
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2019/1

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2019

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, проф. д-р Елена Стоянова,
проф. д-р Татьяна Алексиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Владова (главный редактор), доц. д-р
Радослава Илчева (зам. гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. д.ф.н. Христо
Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь),
Радослава Лесневска (технический редактор).

**Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную
библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ
по адресу: <http://www.eLibrary.ru>**

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Г.В. Ангелова

НОМИНАЦИЯ ЛЕКАРСТВЕННОГО РАСТЕНИЯ ВЕТONICA OFFICINALIS L. В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ (ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД).....	5
--	---

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.В. Дянкова

100-ЛЕТИЕ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ДАНИИЛА ГРАНИНА.....	16
--	----

С.С. Митов

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТРАНИЦЫ ГОГОЛЯ.....	21
----------------------------------	----

К. Э. Штайн, Д. И. Петренко

КРИЗИС БОЛЬШИХ НАРРАТИВОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И МЕТАПОЭТИКА ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА.....	31
---	----

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т.С. Супранкова

ИСТОКИ ТОПОСА фаустианы в германо-славянском межкультурном диалоге	45
--	----

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская

ОТ КИТАЙСКОЙ ГРАМОТЫ ДО ДЯДЮШКИ ЛЯО: РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КИТАЕ И КИТАЙЦАХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)	57
---	----

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Ж.Т. Балмагамбетова, Ж.Н. Тажбекова

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИНФИНИТИВНЫХ ОБОРОТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	70
---	----

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Б.К. Аязбаева, Д.Ю. Чарная

РАБОТА ПО ОБНОВЛЕННОМУ УЧЕБНИКУ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ.....	75
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Д.С. Лесневска

СЛАВЯНСКА ФИЛОЛОГИЯ. ТОМ 26. ДОКЛАДИ ЗА XVI
МЕЖДУНАРОДЕН КОНГРЕС НА СЛАВИСТИТЕ. БЕЛГРАД,
СЪРБИЯ, 20 – 27 АВГУСТ 2018. – СОФИЯ: ИЗДАТЕЛСТВО НА
БАН «ПРОФ. МАРИН ДРИНОВ» – 240 С..... 85

ХРОНИКА

Д.С. Лесневска

ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ СОБРАНИЕ СЛАВИСТОВ СЕРБИИ 90

IN MEMORIAM

ПРОФ. ДФН ЦВЕТАН ЙОТОВ (1934 – 2019)..... 96

К. Петрова

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 100

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА..... 102

ЛИНГВИСТИКА

Ангелова Ганна Вадимовна
доктор филологии, гл. ассистент
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: av_angelova@abv.bg

Angelova Ganna Vadimovna
Chief Assist., Ph.D.
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: av_angelova@abv.bg

Г.В. Ангелова

НОМИНАЦИЯ ЛЕКАРСТВЕННОГО РАСТЕНИЯ *BETONICA OFFICINALIS* L. В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ (ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Аннотация. В настоящем исследовании изучается происхождение наименования буквица лекарственная (болг. ранилист) в плоскости языковых проявлений характерных, специфических и функциональных признаков, заложенных в основу номинации, как и способы их выражения. На этой основе определяются модели номинативных рядов лекарственного растения в русском и болгарском языках. Изучение номинативных рядов, как и их сопоставление, позволяет всесторонне рассмотреть процесс наименования растительной реалии, найти общие и специфические особенности анализируемого фитонима в системе двух языков.

Ключевые слова: номинация, модель номинативного ряда, метафорический перенос

G.V. Angelova

NOMINATION OF THE MEDICAL PLANT *BETONICA OFFICINALIS* L. IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES (ONOMASIOLOGICAL ASPECT)

Abstract. This article discusses the nomination origins of *stachys officinalis* (Bul. ранилист) (*Betonica officinalis* L.) in the context of the linguistic manifestation of the typical, specific and functional characteristics, underlying the nomination, as well as the ways to express them. Based on these are determined the nominative series of the medicinal plant in the Russian and Bulgarian languages. The study of nominative series, as well as their comparison, makes it possible to comprehensively examine the process of naming plants, as well as finding the general and specific features of the analyzed name in the system of both languages.

Keywords: nomination, nominative model, metaphoric transference

Известно, что все предметы и явления действительности имеют определенные наименования, а слова как единицы языка указывают на реальные предметы, наше отношение к ним, возникающее в процессе познания окружающего мира. Связь слова с явлениями реальной действительности (денотатами) является важнейшим фактором в определении природы слова как знаковой единицы. При этом слова не только называют конкретные предметы, но и понятия о них, возникающие в нашем сознании, а понятие – это представление об общих и существенных признаках явлений действительности и их свойствах. Такими признаками могут быть: форма, цвет, размер, запах, вкус, сходство данного растения с другим, а также функциональные особенности растения. Логично думать, что понятие является результатом отбора и обобщения множества единичных явлений, в процессе которого мы отвлекаемся от несущественных признаков, сосредотачиваясь на главных, определяющих, основных с нашей точки зрения. Без такого абстрагирования невозможно человеческое мышление [16, с. 16].

Цель работы рассмотреть историю наименования буквица лекарственная (болг. ранилист) на материале русского и болгарского языков и определить, какие признаки легли в основу этого наименования, т.е. обозначить связь его ономаσιологической структуры с лексическим значением, поскольку ономаσιология занимается изучением принципов и закономерностей «обозначения» предметов и выражения понятий лексическими и лексико-фразеологическими средствами языка [3, с. 228].

Буквица лекарственная (болг. ранилист) (*Betonica officinalis* L.) – это многолетнее растение из семейства Губоцветных с прямостоячим, четырехгранным стеблем, высотой до 1м, несущим две пары супротивных листьев, тогда как прикорневые собраны в розетку. Цветки у буквицы лекарственной двугубые красно-пурпурные в полумутовках. Растение имеет приятный сильный запах. Цветет в июне-июле. Буквица лекарственная распространена в Европе и Азии. Хорошо произрастает в культуре.

В русском языке лексемы буквица со значением ‘лекарственное травянистое растение’ и буквица - ‘первая прописная

буква текста, главы и т.п., служащая элементом оформления издания» [4, с. 242] являются омонимами.

Существуют следующие точки зрения по поводу этимологии номинации буквица, например, М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» отмечает, что данное наименование известно всем славянским языкам и имеет «несомненную связь с названием дерева бук и германского происхождения» [20, с. 236]. «Етимологічний словник української мови» считает, что «псл. *bukъvica, пов'язане з назвою бук (через зовнішню схожість листків буквиці з листям бука) [12, с. 286], с чем нельзя не согласиться. Вероятно, многочисленная группа номинативных вариантов в говорах русского языка: *буквица, буквиця, буковица, буковыця, буква, буковникъ, буковка, бук-трава* [2, с. 64; 15, с. 253] получена на основе переноса по сходству характерных признаков (формы листьев растения) буквицы лекарственной с буком европейским или буком лесным (болг. обикновен бук) (*Fágus sylvática*) листопадным деревом семейства Буковые (*Fagaceae*), ареал которого охватывает всю Западную и часть Восточной Европы.

Интересно отметить, что в русском языке среди ряда номинаций буквицы встречаются библеизмы, связанные с именем Бога. Вероятно, наименование *божьи ручки* [2, с. 64] образовано не только на основе целительных свойств растения, но и по сходству продолговато-сердцевидной формы супротивных листьев, визуально напоминающих руки.

По-видимому, мотивами наименования растения *боговъ батожокъ* (богов кнутик) [2, с. 64], в украинском языке «батіжок» – это кнутик [19, с. 36], мог послужить внешний вид растения (прямостоячий стебель, заканчивающийся шишковидным колоском), который, как и все в мире, создано Господом Богом.

Логично думать, что благодаря «внешним» признакам реалии и метафорическому использованию религиозных представлений данные номинации имеют двойную семантическую мотивацию.

В русском языке к признакам внешнего вида можно отнести наименование *старовина* [2, с. 64], образованное от прилагательного старый и имеющее «и.-е. основу *st(h)a- >ста- «стоять» [21, с. 450], т.к.,

вероятно, старый первоначально значило ‘крепко стоящий’ [там же], каким и является стебель данного растения.

В основе сложной номинации *сорокозуб* [2, с. 64; 10, с. 275; 15, с. 253], образованной путем метафорического переноса, видимо, так же лежит указание на один из морфологических признаков буквицы: наличие двугубых цветков растения, у которых чашечка имеет заостренные зубцы. Кроме того, как отмечает В. Даль, «встарь считали сороками: первое сорокъ, другое сорокъ и пр.» [10, с. 275], возможно поэтому, числительное сорок (для обозначения количества зубцов на верхушках цветковых губ) и было использовано в наименовании данной реалии.

Следует отметить, что «Български етимологичен речник» связывает номинации *рошовина*, *рошовела* [5, с. 115; 14, с. 329] с глаголом «роша» - ‘разбърквам коса’, т.е. лексемой, образованной «от основата в рѠхав, рѠхък. Според Ст. Младенов, ЕтР 563, сродно с рус. ерошить» [7, с. 330] и заимствованной из «лат. *ēr, ēris, ēricius* ‘таралез’» [там же].

Кроме того, Н. Геров фиксирует лексему «роша» со значением ‘тънки влакна отгорѣ на платъ като мъхъ’ [9, с. 86], т.е. признак данных номинаций, вероятно, основывается на внешнем виде стебля, листьев растения, густо покрытых мелкими волосками, подобными ворсу на лицевой стороне некоторых тканей.

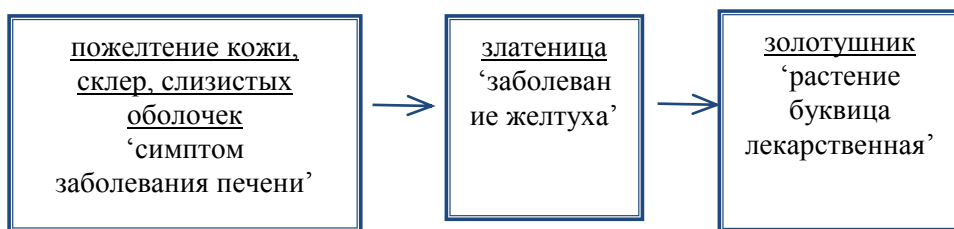
Буквица лекарственная (болг. ранилист) с древних времен была очень популярна. Считалось, что она может вылечить 47 различных заболеваний. Кроме того, верили, что сила ее велика, она может служить защитой не только от ряда болезней, но и являться панацеей от всех бед. Громкая слава буквицы способствовала появлению суеверных представлений о ней. В «Ботаническом подробном словаре, или травнике» Андрея Майера, вышедшем в Москве в 1871 году, отмечалось: «В старину суеверные люди нашивали сию траву на шею от порчи и для сбережения себя от колдовства» (<http://fitopedia.com.ua/>: 2011). О полезных свойствах буквицы знал еще Антоний Муза (I век до н.э.) – древнеримский врач эпохи императора Октавиана Августа, а известные ученые и медики: Диоскорид (I век н.э.) и Гален (II век н.э.) называли чудесное растение «лекарством от всех болезней».

Интересно отметить, что среди номинаций буквицы в болгарском языке присутствуют собственные имена целителей. Так, например, сложное номинативное словосочетание *али-бей-оту* [5, с. 115] в болгарском языке, заимствованное из арабского языка через турецкое языковое посредничество, состоящее из личного имени Ali, лексем веу в значении ‘господин’ [1, с. 164] и от - ‘лекарство’ [1, с. 996] можно объяснить именем доктора Али, открывшего целительные свойства растения и, конечно, применявшего его в своей практике.

Так, буквицу использовали при заболеваниях желудка, печени, селезенки, органов дыхания, болях в суставах, подагре, желтухе, звериных укусах, отравлении ядом» [15, с. 254]. Болгарская народная медицина употребляла лекарственное растение «при болести на бърбреците и пикочния мехур, заболявания на матката, главоболие и епилепсия, при малария, за пречистване на кръвта, гнойни, прорезни рани, ревматични отоци и при екзема» [13, с. 17].

Очевидно, в основе русских наименований *золотушник*, *золотушница*, *золотоцвет* [2, с. 64; 15, с. 254] лежит практическое применение буквицы лекарственной в предметной деятельности человека (в народной медицине) при заболевании печени с характерным симптом, при котором кожа, склеры глаза, слизистые оболочки окрашиваются в «цвет желтый, или, как в старину говорили, золотой, откуда болезнь златеница (желтуха) [8, с. 184].

Формирование вышеуказанных номинаций в русском языке можно представить так:

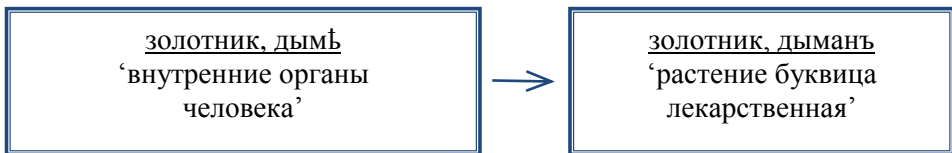

Кроме того, как полисемант, номинация золотушник имеет целый ряд значений, связанных с различными растениями, широко используемыми не только при гепатите, но и при других заболеваниях. В русских народных говорах это 1) «растение

Thalictrum L., сем. Сложноцветных; василисник», 2) «растение *Inula Britannica* L., сем. Сложноцветных; девясил британский», 3) «растение *Antennaria dioica* Gærth., сем. Сложноцветных; кошачья лапка двудомная», 4) «растение *Solidago virga aurea* L., сем. Сложноцветных; золотарник, золотая розга», 5) «растение *Lisimachia vulgaris* L., сем. Первоцветных; вербейник обыкновенный» [17, с. 335].

Наименование растения *золотник* [2, с. 64; 15, с. 253] в русском языке так же является полисемантом, т.к. обозначает не только ряд лекарственных растений, например, «раст. золотникова трава, золототысячник, *Erythrea centaureum*», раст. *Galeopsis ladanum*, курятникъ вонючий, питульникъ» [10, с. 692], но и внутренние органы человека, к которым имеет прямое отношение. Так, семантический спектр вышеуказанной лексемы следующий: 1) «женские половые органы; матка»; 2) «кишечник» [17, с. 330]. К подобным наименованиям относятся и такие, как *дымань*, *димань* [2, с. 64; 15, с. 253], вероятно, образованные от дымъ в значении 'пах; органы половой области' [18, с. 394]. Очевидно, в народе традиционно переносили народные наименования больных органов на лечебные растения, т.е. можно думать, что вышеуказанные наименования отражают суть растения в возможности его применения при патологических процессах во внутренних органах человека.

Схематично формирование номинаций *золотник* и *дыман* в русском языке можно представить следующим образом:

Кроме того, в семантической структуре исследуемого фитонима наблюдается отношение подобия, т.е. представлен «специфический признак» (по сходству) с другими не менее полезными растениями, подобными по свойствам буквице лекарственной, например, с *жабреем* (болг. луличка) (*Linaria*), *канупером полевым* (болг.

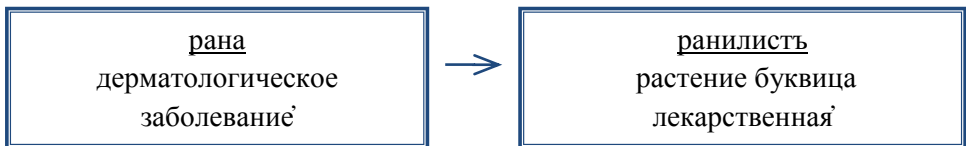
калоферче) (*Tanacétum balsamita* L.) или **кранивой глухой** (болг. бяла мъртва коприва) (*Lámium album* L.) [2, с. 64; 15, с. 253].

В наименовании **материнка** [2, с. 64; 15, с. 253] так же актуализируется признак сходства, а именно: буквица лекарственной с тысячелистником обыкновенным (болг. бял равнец) (*Achillea millefolium* L.) и душицей обыкновенной (болг. риган) (*Origanum vulgare* L.) [10, с. 308].

В «Материали за български ботаничен речник» в статье, посвященной буквице лекарственной, отмечается, что «това растение има голъма употреба въ нар. медицина, отъ което сж произлѣзли и имената му **ранилистъ, хайдушка билка, червень вѣтъръ**» [5, с. 115].

Использование растения в медицинской практике в качестве ранозаживляющего средства отразилось в сложном наименовании **ранилистъ** [5, с. 115], образованном от существительных: рана со значением ‘разкъсана или повредена тъкан на живо тяло, обикн. от ударно, порязано, загнило и пр.; язва’ [6, с. 828] и лист - ‘орган за дишане и фотосинтеза на растенията’ [6, с. 419], т.е., по-видимому, это название растение получило за способность заживать как поверхностные, так и глубокие ранения.

Формирование наименования ранилистъ в болгарском языке можно представить так:

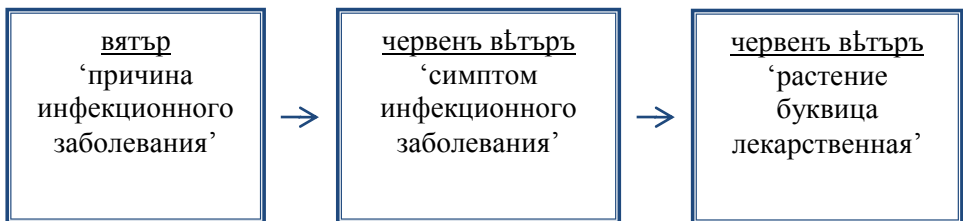
Кроме того, о целительных свойствах буквицы, используемой «за налагане гнойни рани» (БотР 1939: 115), по всей вероятности, было известно гайдамакам (болг. хайдути), что нашло отражение и в номинации болгарского языка **хайдушка билка** [5, с. 115].

По народным представлениям природные явления могли явиться причиной многих инфекционных заболеваний, т.е. по поверьям болезни исходили от ветра, вихря и подобных явлений. Логично думать, что в основу наименования **червень вѣтъръ** [5, с.

115] в болгарском языке легли не только причина заболевания, но и характерный симптом инфекционного заболевания червенка (русск. рожа) (Erysipelas) «болест, която се изразява с болезнени, червени, оточни и парещи петна по кожата с тенденция към разширяване» [11, с. 433].

Вышеуказанное дает основание заключить, что наименование червень вѣтърь в болгарском языке имеет тройную семантическую мотивацию, т.к. получило выражение через указание на причину, внешнее проявление инфекционного заболевания и целительные свойства растения буквица лекарственная.

Процесс формирования наименования червень вѣтърь в болгарском языке можно представить так:

Итак, можно заключить, что обозначение понятия «лекарственное растение» (*буквица лекарственная*) в русском и болгарском языках и говорах, осуществляется на основе принципа наименования по признаку. Признаки, обозначающие данное понятие, имеют следующий характер (Рис. 1, 2):

Ономасиологический анализ номинации растения буквица лекарственная (болг. ранилист) позволил проследить акт номинации как речемыслительный акт, в ходе которого обозначаемое подводится под определенную категорию, отражающую наиболее существенные, закономерные связи реальной действительности и познания.

Рис. 1.

Рис. 2.

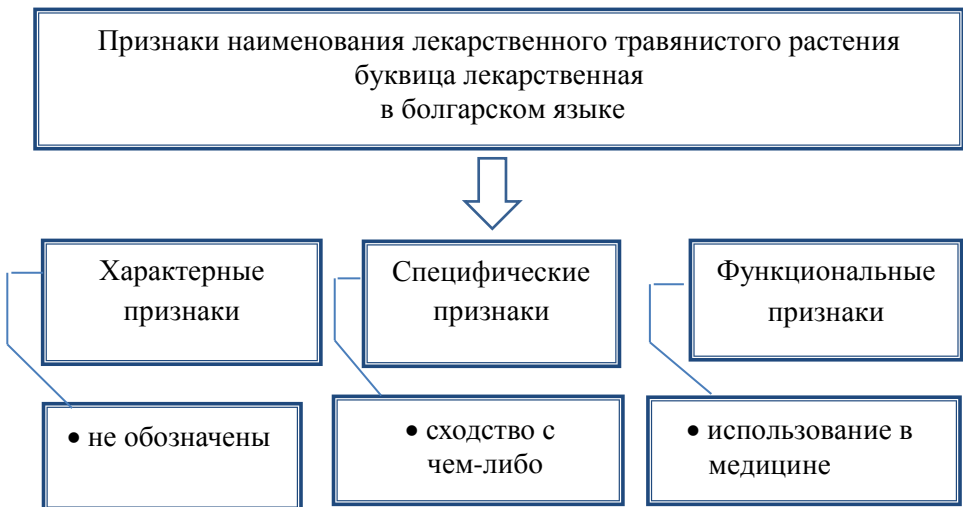

Рис. 1, 2. Обобщенные ономаσιологические признаки *буквицы лекарственной* (болг. *ранилист*) в русском и болгарском языках

Так, в ряду номинаций для обозначения исследуемого фитонима в русском языке отражены характерные (русск. старовина),

«специфические» (русск. божьи ручки) и функциональные признаки (русск. золотушник), указывающие на использование растения буквица лекарственная в медицинской практике. В болгарском языке – «специфические» (болг. рошовина, рошовела) и функциональные признаки (болг. ранилистъ), тогда как характерные признаки не нашли достаточного отражения.

Продуктивным способом языкового выражения, определяющим признаки реалии в русском и болгарском языках, является семантическая деривация - номинативные образования на основе переноса метафорического характера, а менее продуктивным способом - иноязычные заимствования.

Поскольку функциональное предназначение буквицы лекарственной связано с медициной, в ряде номинаций реалии в русском и болгарском языках наблюдается перенос на основе целительных свойств растения, используемых при характерной симптоматике заболевания (болг. червень вѣтъръ) и патологии определенных внутренних органов человека (русск. золотник).

Кроме того, следует отметить, что для ботанической лексики русского языка характерна полисемия (русск. золотушник, золотник), а также лексическая омонимия (русск. буквица) как следствие распада многозначного слова, семантического разрыва, произошедшего между его значениями.

Библиографический список

1. АТБР 2009: Академичен турско-български речник. Под научната редакция на проф. д-р И. Добрев. София: Рива, 2009.
2. Анненков 1876: Анненков, Н.И. Ботанический словарь. С.- Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1876.
3. Ахманова 1969: Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская Энциклопедия, 1969.
4. БАСРЯ 2005: Большой академический словарь русского языка. Главный редактор К.С. Горбачевич. Том 2. Москва, С.- Петербург: Наука, 2005.
5. БотР 1939: Материали за български ботаничен речник.
1. Събрани от Б. Давидов и А. Явашев. Допълнени и редактирани от Б. Ахтаров. София: Придворна печатница, 1939.
6. БТР 2008: Български тълковен речник. Автори: Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев. София: Наука и изкуство, 2008.

7. БЕР 2002: Български етимологичен речник. Автори В. Атанасов и др. Т. VI. София: «Проф. Марин Дринов», 2002.
8. Власова 2008: Власова, М. Энциклопедия русских суеверий. С.-Петербург: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008.-622 с.
9. Геров 1978: Геров, Н. Речник на български език. Част пета. София: Български писател, 1978.
10. Даль 1955 I: Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
11. ЕнцБНМ 1999: Энциклопедия българска народна медицина. Съставителство и обща редакция М. Георгиев. София: «Петър Берон», 1999. -542 с.
12. ЕСУМ 1982: Етимологічний словник української мови. Гол. Ред. О. С. Мельничук. Т. I, Київ: «Наукова думка», 1982.
13. Канисков 2011: Канисков, В. Лечебните растения на България. Энциклопедичен справочник. София: Издателство «Изток-Запад», 2011.
14. Ланджев 2010: Ланджев, И. Энциклопедия на лечебните растения в България. София: Труд, 2010. -551 с.
15. Мазнев 2006: Мазнев, Н.И. Основные лекарственные растения. Справочное издание. Москва: ООО ИКТЦ «Лада», 2006. -1055 с.
16. Розенталь и др. 2004: Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б., Теленкова, М.А. Современный русский язык. Москва: Айрис-пресс, 2004. -446 с.
17. СРНГ 1976: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 11. Ленинград: «Наука», 1976.
18. СРЯ XI-XVII вв. 1977: Словарь русского языка XI-XVII вв. Под ред. Ф.П. Филина. Москва: «Наука», 1977.
19. УРС 1953: Українсько-російський словник. Гл. редактор член-кореспондент АНУССР И.Н. Кириченко. Т. I. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.
20. Фасмер 1964: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1964.
21. Цыганенко 1970: Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1970.
22. <http://fitopedia.com.ua/>: 2011.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дянкoвa Людмилa Виктoрoвнa
Прeдсeдaтeль клубa «Приятели»
при Фeдeрaции «Сoюз
сoтeчeствeнникoв»
Бoлгaрия, г. Сoфия
e-mail: lусyd@abv.bg

Dyankova Lyudmila Viktorovna
Chairman of the club "Friends"
under the Federation "Union of
compatriots"
Bulgaria, Sofia
e-mail: lусyd@abv.bg

Л.В. Дянкoвa

100-ЛЕТИЕ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ДАНИИЛА ГРАНИНА

Аннотация. Данная статья посвящена 100-летию известного русского писателя, общественного деятеля Д.А. Гранина. Прослеживается творческий путь писателя. Обращается внимание на произведения, связанные с темой Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: произведения об ученых, Великая Отечественная война, блокада, Ленинград

L.V. Dyankova

THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN WRITER DANIIL GRANIN

Abstract. This article is devoted to the 100th anniversary of the famous Russian writer, public figure D. A. Granin. The article traces the creative path of the writer. Attention is drawn to the works related to the theme of the Great Patriotic War.

Keywords: works about scientists, Great Patriotic War, blockade, Leningrad

Даниил Гранин - писатель, книги которого до сих пор любимы читателями. И это не случайно, ведь в своих произведениях он описывает жизнь простого человека, его проблемы и радости.

Гранин родился 1 января 1919 г. в селе Вольнь Курской области в семье лесника. В 30-ые годы отец писателя Александр Данилович Герман (настоящая фамилия писателя) был арестован и сослан в Сибирь. Даниил вместе с матерью переехали в Ленинград. В 1940 году окончил Политехнический институт им. М. И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский Политехнический университет им. Петра Великого). После окончания института работал на Кировском заводе.

В 1941 году ушёл на фронт добровольцем в составе народного ополчения Кировского завода. Кировский завод почти сразу оказался на линии фронта, до нее оставались считанные километры. Воевал на Ленинградском и Прибалтийском фронтах, затем был направлен в Ульяновское танковое училище. Закончил войну в Восточной Пруссии командиром роты тяжёлых танков. Войну прошёл от начала до конца. Награжден боевыми орденами и медалями.

После войны поступил в аспирантуру Ленинградского Политехнического института, работал в Ленэнерго, участвовал в восстановлении энергетики Ленинграда

С середины 50-ых годов становится профессиональным литератором. По воспоминаниям самого писателя в период учебы в институте он приступил к работе над историческим произведением о Домбровском, о восстании 1863 года в Польше. В 1937 году напечатан его рассказ «Родина». Но сам он считал началом своей профессиональной литературной деятельности публикацию рассказа «Вариант второй» в 1949 году в журнале «Звезда». В том же году он взял псевдоним Гранин по просьбе известного писателя Юрия Германа, работавшего зав. отделом прозы в журнале «Звезда». В начале 50-х годов были опубликованы сборник рассказов Гранина «Спор через океан» (1950), повесть «Ярослав Домбровский» (1951), сборник очерков о строителях Куйбышевской ГЭС «Новые друзья» (1952).

Известность писателю принёс его первый роман «Искатель», написанный им во время учёбы в аспирантуре в Политехническом институте и опубликованный в журнале «Звезда», 1954. В своих произведениях Гранин касается темы научно-технического прогресса и реалий трудовых будней. Они посвящены научным изысканиям, борьбы между ищущими, принципиальными учеными, с одной стороны, и людьми недаровитыми, карьеристами, бюрократами, с другой. В центре повествования - молодой ученый Андрей Лобанов, который после защиты диссертации не захотел оставаться на преподавательской работе в вузе, а пошёл на завод, где становится заведующим лабораторией. Автор вводит нас в перипетии сложных отношений и конфликтов. По роману «Искатели» в 1956 году был снят одноименный фильм режиссера М. Шапиро.

В своей прозе Гранин умело совмещает художественное повествование и социально - бытовую беллетристику с объединяющей темой: учёные, изобретатели в современном мире. В его произведениях показан мир людей по новому мыслящих, свободных, решительных. Этой же теме посвящен роман «Иду на грозу» (1962). Рассказывается о двух молодых физиках Сергей Крылов и Олег Тулин, которые занимаются изучением грозы. Тулин - душа любой компании, все его считают везунчиком. И действительно, он очень быстро поднимается по карьерной лестнице, набирает вес в научном сообществе. Но он готов поступиться принципами ради карьеры. Крылов – его противоположность. Тихий, незадачливый, невероятно талантливый, но не способный пойти на компромисс. Для него истина и наука важнее всего. Однажды во время эксперимента, который они проводили, происходит трагедия. И тогда пути друзей расходятся. При жизни автора книга «Иду на грозу» переиздавалась более 20 раз и стала одной из любимых у читателей. В 1965 году она была экранизирована.

Важное место занимают биографические повести о биологе Александре Любищеве («Эта странная жизнь», 1974), о физике Игоре Курчатове («Выбор цели», 1975), о генетике Николае Тимофеев-Росовском («Зубр», 1987). Сам Гранин восхищается своим героем, подчеркивает его уникальность как ученого, сравнивая его с зубром. Автор рассказывает о наиболее ярких моментах биографии ученого, например о том, как во время войны Тимофеев-Росовский спас международную группу учёных от немцев, каким образом пытался возродить генетику и как пережил обвинения в измене родине.

Важной темой в творчестве писателя была война. В 1968 году вышла повесть «Наш комбат», которая произвела огромное впечатление на читателей и вызвала ярые споры, потому что ставила непривычные вопросы о войне. «Непарадно» выглядит война в повести «Клавдия Вилор» (1976) и в романе «Мой лейтенант» (2011). Героиня книги Клавдия Вилор - реально существующий человек, который прошел испытания войны и муки плена, но сумевший выстоять и сохранить чувство собственного достоинства в труднейших обстоятельствах. Книга о женщине - политруке, попавшей в плен, это скорее не художественная литература, а

публицистика. Книга о мужестве, о судьбе женщины на войне, о психологии пленных и просто людей, оказавшихся на «оккупированной территории», о вере в нашу победу над фашизмом. «Клавдия Вилор верила не в чудо, а в справедливость и раздавала свою веру людям, у которых кончалась сила жить ... Что-то было в этом, теперь уже уходящем поколении, что-то завидное, цельное...

Роман «Мой лейтенант» - это взгляд на войну с изнанки, не с точки зрения генералов и маршалов, а изнутри, из траншей и окопов. На фоне ужасов и неприглядности войны, автор даёт возможность выговориться простому лейтенанту, одному из тех, кому мы обязаны победой в Великой Отечественной войне. «Мой лейтенант» очень ярко и трагично показывает отдельные судьбы людей, их переживания, их правду о войне. Роман «Мой лейтенант» получил премию «Большая книга», которая была вручена Даниилу Гранину в 2012 году.

Одно из самых известных произведений Даниила Гранина о войне «Блокадная книга» было написано в соавторстве с белорусским писателем, литературоведом Алесем Адамовичем. Работая над книгой, Гранин и Адамович собрали около 200 рассказов жителей блокадного Ленинграда. В книге, основываясь на документальных материалах, рассказывается о героическом 900-дневном сопротивлении Ленинграда. Первая часть «Блокадной книги» была напечатана в журнале «Новый мир» в 1977 году, однако версия претерпела сильные изменения. При редакции произведения цензоры изъяли из него 265 фрагментов, а на издание книги был наложен запрет, длившийся до 1984 года. В «Блокадной книге» можно прочесть о том, о чём тогда не говорили с экранов, и о чём не писали в газетах. За честность и открытость Гранина при жизни называли совестью эпохи. Второе дополненное издание книги вышло в 2013 году.

75-летие снятия блокады Ленинграда торжественно отмечалось 27 января с.г. в Санкт-Петербурге с участием президента России В.В. Путина. В своем слове он отметил, что «конечно», нужно жить сегодняшним днем, настоящим и будущим, но забыть того, что было в Ленинграде, нельзя. Никогда!»

Не случайно Даниил Александрович Гранин в 2014 году выступал в Бундестаге на мероприятии, посвящённом памяти жертвам концлагерей и годовщине освобождения узников Освенцима. «Час памяти» был посвящен жертвам блокадного Ленинграда. Под сводами Рейхстага звучали его личные воспоминания о Великой Отечественной войне, о блокаде. Жизнь каждого ленинградца во время войны была подвигом - невероятным и вполне осозанным. Немецкие депутаты аплодировали стоя несколько минут. На встрече присутствовала канцлер Германии Ангела Меркель и Гельмут Шмидт, бывший во время войны на Ленинградском фронте. Несколько телевизионных каналов Германии вели прямую трансляцию.

В последние годы жизни Гранини появились его мемуары «Всё было не совсем так» (2010) и роман «Она и всё остальное. Роман о любви и не только» (2017). Уже после смерти писателя к его 100-летию в Петербурге издана «Последняя тетрадь». Это своего рода отчет Гранина о жизни, честный разговор с собой и читателем о парадоксах человеческой природы.

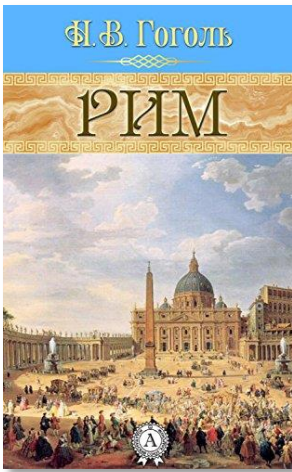
Помимо литературы писатель занимался общественной деятельностью. Избирался народным депутатом СССР (1989 - 1991). В конце 1980-ых годов был одним из инициаторов создания Ленинградского общества «Милосердие». Был председателем правления Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева. В 2005 году Даниил Александрович Гранин получил звание «Почетный гражданин Санкт-Петербурга». Его заслуги перед отечественной литературой и на поприще российской культуры отмечены многочисленными государственными премиями и орденами, включая высшую награду России - Орден Андрея Первозванного. Именем Даниила Гранина названа малая планета солнечной системы N 3120.

Митов Стоян Стефанов
Аспирант
Юго-Западный университет
им. Неофита Рильского
Болгария, г. Благоевград
e-mail: stoyan_mitov@abv.bg

Mitov Stoyan Stefanov
Postgraduate student
South-West University
"Neofit Riliski"
Bulgaria, Blagoevgrad
e-mail: stoyan_mitov@abv.bg

С.С. МИТОВ

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТРАНИЦЫ ГОГОЛЯ

Аннотация. Настоящая статья задается целью определить причины появления краткой повести «Рим», возникшей как непосредственное впечатление Гоголя от его жизни за границей, а также выявить философские и исторические размышления, высказанные им при наблюдении происходящего в Италии. Страстная любовь писателя к вечному городу и к его памятникам истории и искусства выражена в многочисленных письма к друзьям и знакомым. В статье рассматриваются политические и исторические сюжеты истории, а также специфика главного героя в сравнении с другими известными произведениями и персонажами Гоголя.

Ключевые слова: Гоголь, Рим, письма, влияние западной истории и культуры, персонажи, корреляция автор-герой.

S.S. Mitov

ITALIAN PAGES OF GOGOL

Abstract. This article aims at disclosing the reasons for the appearance of the short story "Rome" which arises as Gogol's immediate impression of his life abroad, and the philosophical and historical reflections that he observed while living in Italy. Gogol's passionate love for the Eternal City and its monuments of history and art is expressed in the numerous letters he wrote to his friends and acquaintances. The article also explores the political and historical setting of the story and the function of the main character in comparison to other Gogol's popular works and characters.

Keywords: Gogol, Rome, letters, influence of western history and culture, comparison and contrast of characters

Общеизвестно, что любовь к Риму является одним из основополагающих компонентов художественной концепции Н.В. Гоголя [3]. Наиболее ярким выражением этой любви стала повесть «Рим» (1842). Поэтому парадоксальным представляется тот факт, что она, как указывал еще несколько десятилетий назад известный советский литературовед Г.М. Фридендер, не оценена по достоинству историко-литературной наукой [8]. До настоящего времени повесть не являлась объектом самостоятельного изучения и в Болгарии, несмотря на стабильный и неподдельный интерес болгарских литературоведов к творчеству Гоголя. Более того, у нас она даже не публиковалась самостоятельно, а по традиции выходила в сборнике «Петербургские повести».

Настоящая статья задается целью восполнить в некоторой степени этот пробел и попытаться при помощи *римского текста* художественного наследия великого русского писателя глубже заглянуть в его творческую лабораторию.

Рим – один из знаковых образов не только русской, но и мировой литературы. Ведь «...есть одно или два места для каждого, где он мог бы жить постоянно, не теряя своего восхищения, удивления и благодарности. Первообраз всех этих мест – Рим» [5, с. 19]. Об особом интересе русских к Италии в 1838-1848 гг. писал и П. Муратов в предисловии к своей книге «Образы Италии». Упомянув о близости этой темы русским людям, он уточнял, что речь идет не об Италии в целом, а, в основном, о Риме. [6, с.6]

Впервые повесть «Рим» вышла в третьей книжке журнала «Москвитянин» за 1842 год. Автор снабдил ее подзаголовком «отрывок», указывая тем самым на ее фрагментарность по отношению к более крупному произведению, которое, однако, так и осталось на уровне замысла¹.

Несмотря на декларированную автором фрагментарность и на фактологическую незавершенность, «Рим» обладает и характеристиками законченного, самостоятельного текста. В нем воплотились непосредственные личные впечатления Гоголя от жизни за границей, которые, и это следует подчеркнуть особо, были

¹Этот роман первоначально должен был появиться под названием «Аннунциата», а на одном из следующих этапов - как «Мадонна с цветами» [8].

преподнесены читателям как философские и исторические рассуждения-анализы.

Заграничный период творчества Гоголя – тема особого разговора. Писатель прожил с перерывами 10 лет в разных европейских странах, много и плодотворно работал там. Из всех зарубежных городов он особенно полюбил Рим, куда приехал в марте 1837 года после нескольких месяцев, проведенных в культурной столице мира того времени – Париже. Политическая жизнь во Франции, задававшая в некотором плане тон всей тогдашней европейской политике, его не интересовала. Взор художника и мыслителя был направлен на вечные, непреходящие ценности. Поэтому в вечном городе – Риме, он обрел как бы вторую родину. Именно в Риме он активно работает над главным трудом своей жизни – романом-поэмой «Мертвые души» и заканчивает повесть «Шинель», которой суждено будет определить магистральное движение литературы реализма XIX в.² Искренний восторг перед городом – и древним, и современным, восхищение историческим прошлым Италии, памятниками культуры и искусства с одной стороны, итальянским народом, его бытом и языком с другой, сквозят в его интенсивной переписке с друзьями.

Ввиду нашего исследования особенно показательными представляются два письма. Первое из них – П.А. Плетневу, датировано 2-ым ноября 1937 г. Оно свидетельствует о своеобразной одержимости писателя Римом: «Всё прекрасно под этим небом; что ни развалина, то и картина; на человеке какой-то сверкающий колорит; строение, дерево, дело природы, дело искусства — всё, кажется, дышит и говорит под этим небом. <...> Перед Римом все другие города кажутся блестящими драмами, в которых действие совершается шумно и быстро в глазах зрителя...». А в конце письма обещание: «когда-нибудь вы увидите записки, в которых отразились может быть, верно впечатления души моей» [2, XI, с. 114-115]³.

² Срв.: «Все мы вышли из гоголевской шинели». Долгие годы авторство этой меткой фразы приписывалось ошибочно Ф. М. Достоевскому, который однажды произнес ее в беседе с французским литератором Э. де Вогом. На самом деле, эти слова принадлежат французскому критику Эжену Вогюэ.

³ При ссылках на Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя римскими цифрами указывается на том.

Адресатом второго письма (от 2 апреля 1839 года), в котором Г.М. Фридлиндер видит своеобразный план повести «Рим» [8], является близкий друг и однокашник Гоголя А.С. Данилевский. С ним писатель провел в Париже зиму 1836-1837 гг. Советуя ему поделиться своими заграничными впечатлениями, Гоголь пишет: «Ты не мало уже видел и слышал — и хлопочущий Париж и карнавальная Италия. Право, много всего, и русский человек в середине» [2, XI, с. 212].

Как русский писатель переплавил, чтобы вылить в художественную форму, свои собственные впечатления о Риме? Частичный ответ на этот вопрос дал всего несколько лет после публикации повести польский критик П. Грабовский. В письме первому биографу и издателю сочинений Гоголя П.А. Кулишу он отметил, что в эскизе «Рим» писатель, по сравнению с другими своими повестями, «является совершенно с новой стороны: это уже наблюдатель не мелких и юмористических сторон нравов, но великих задач общественных и вопросов, занимающих умы нашего века» [7, с. 53].

Это достигается не путем абстрактных умозрений, а при помощи посланий, воплощенных в главных героях, которые на первый взгляд кажутся полярными. Аннунциата — девушка из социальных низов, уроженка римского предместья Альбано⁴. Она визуализирует приписываемые римской античности представления о красоте: «Всё напоминает в ней те античные времена, когда оживлялся мрамор и блистали скульптурные резцы. <...> благородством дивным дышит профиль, и мечется красота линий, каких не создавала кисть. <...> Никакой гибкой пантере не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений. Всё в ней венец создания, от плеч до античной дышущей ноги и до последнего пальчика на ее ноге. Куда ни пойдет она — уже несет с собой картину» [2, III, с. 217]. Нетрудно заметить переключку этого описания с приведенной выше цитатой из письма Гоголя Плетневу.

⁴Ныне, город Альбано-Лациале в 25 км к югу от Рима, расположенный по соседству с городом Кастель-Гандольфо. Гоголь называет свою героиню *альбанкой*, что, разумеется, не совпадает с *албанкой*.

Античная красота героини волнует и местного щеголя, и иноземца-англичанина, и человека искусства – художника с вандиковской бородкой, обнаружившего в ней модель «для Дианы, гордой Юноны, соблазнительных Граций и всех женщин, какие только передавались на полотне» [2, III, с. 219].

Из пристально следящей за красавицей толпы Гоголь выделяет молодого римского князя – двадцати пятилетнего юношу, потомка древней и некогда богатой фамилии, приехавшего из Парижа в Рим после пятнадцатилетнего отсутствия. Он тоже является воплощением античности, но в ее маскулинном варианте. Его римскость проявляется в черных глазах⁵, слоновой (т.е. как у слоновой кости) белизне лба, в шелковом локоне и в носе, «очеркнут античной линией» [2, III, с. 219] (курсив мой – С.М.), в некоей статуарности фигуры.

У Аннунциаты нет истории – и не потому, что автор и словом не обмолвился о ее семье, детстве и т.д. Она являет собой тот тип женщин, который испокон веков сопряжен с вечностью вечного города, будучи и ее предпосылкой, и ее результатом. Наоборот, за плечами князя поколения, «честь, гордость и бесславие средних веков» [2, III, с. 219]. У него есть и индивидуальная история, впрочем, повторяющая индивидуальные истории многих его современников: учеба и проживание не просто в чужой стране и в чужом городе, а в средоточии европейской и культурной жизни того времени – в Париже. В ранней молодости он подумывал отказаться от Италии и основаться навсегда во французской столице. Оттуда родина представлялась ему «каким-то темным, заплеснелым углом Европы, где заглохла жизнь и всякое движенье» [2, III, с. 226-227]. Но, в конце концов, «не сошлась италиянская природа с французским элементом» [2, III, с. 228]. Более того, к моменту появления в тексте,

⁵ Черные глаза являются отличительной особенностью и внешнего вида Аннунциаты. «Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскrojивши черные как уголь тучи, нестерпимо затрещит она целым потоком блеска. Таковы очи у альбанки Аннунциаты.» [2, III, с. 217] – так автор начинает свой рассказ. Всего через несколько месяцев, в начале 1843 года, будет опубликовано в «Литературной газете» знаменитое стихотворение украинского поэта Евгения Гребёнки, составившее основу одного из самых популярных русских романсов – «Очи чёрные».

герой уже переболел современной цивилизацией (Парижем), слово «политика ему сильно опротивело» и он отправился на поиски вечного и непреходящего Рима – как родного города, но и как духовной категории. «Ибо высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и красоту чудную движеньям души. <...> При таких рассуждениях невольно приходило ему на мысль: не оттого ли сей равнодушный хлад, обнимающий нынешний век, торговый, низкий расчет, ранняя притупленность еще не успевших развиться и возникнуть чувств. Иконы вынесли из храма — и храм уже не храм: летучие мыши и злые духи обитают в нем.»[2, III, с. 236].

Желание князя узнавать все более и более свой народ предопределяет встречу с Аннунциатой – неслыханной красавицей в сияющем альбанском наряде, с которой начинается повесть. Главные герои оказываются сопряженными своей полярностью, до степени, что выглядят двумя сторонами одной и той же медали. Их сближает соотнесенность с античностью, они оба – современная инкарнация ее духа, носители ее посланий. Можем предположить, что их союз стал бы слиянием бьющих через край народных истоков и аристократически отточенной зрелости духа. И в этом влиянии воскрес бы во всей красоте античный идеал нравственного и физического совершенства. Все же, в незаконченном фрагменте, они, перифразируя гоголевский текст, похожи «на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу» [2, III, с. 236-237].

У этих описанных зримо, рельефно, героев совершенно отличный литературный генезис. Аннунциата принадлежит к довольно расхожему в русской литературе первой половины XIX в. типу героинь-южанок, занявших прочное место в русском романтизме после т.наз. южных поэм Пушкина. В то же время она чем-то сродна и резвым хохотушкам из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Другое дело – молодой римский князь, который заметно выделяется на фоне предшествующих ему хронологически гоголевских героев. У него нет ничего общего ни с бесшабашными и смекалистыми малороссийскими хлопцами, ни с затравленными мелкими петербургскими чиновниками, ни с довольствующимися

скорлупой провинциальной жизни небогатыми помещиками. В отличие от Г.М. Фридендера, чей авторитет высоко ценим, мы не обнаруживаем и близости⁶ к таким персонажам, как впавший в наркоманию из-за невозможности мечты художник Пискарев («Невский проспект») или бедный художник Чартков, до того, как он разменял свой талант на деньги ростовщика с портрета. И дело не в том, что в отличие от них князь как бы переживает «второе рождение» [8].

На наш взгляд, молодой князь – герой совсем иного порядка. Ввиду ограниченной печатной площади укажем лишь на то, что его поиски ориентиров и переосмысление ценностей максимально совпадают с эволюцией взглядов Гоголя его заграничного периода. Потому что в повести «Рим» сопряжены не только главные герои. В ней сопряжены автор и герой.

Общеизвестно, что личность автора в той или иной мере растворяется в его героях. И если в плане внешности и социальной реализации невозможно найти точек соприкосновения между щуплым малороссом с кривыми ногами и искривленным носом из зажиточных (но все же небогатых!) помещиков и обладателем большого, хотя и расстроенного состояния, князем-красавцем, как бы сошедшим с мраморного пьедестала, то в плане духовного роста автор и герой спаяны до позиции *alter ego*. Герой, который меньше чем на 10 лет моложе своего автора, в этом ракурсе идет, попевает за ним. Впрочем, возможно, что и автор, очутившись в 20-летнем возрасте в Париже, не остался бы в стороне от политической жизни Франции. Возможно, он тоже бы увидел во французской столице «вечное, волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещения, мод, изысканного вкуса <...>, великую выставку всего, что производит мастерство, художество и всякий талант, скрытый в невидных углах Европы, трепет и любимую мечту двадцатилетнего человека, размен и ярмарку Европы!» [2, III, с. 222-223]. По мере духовного взросления, однако, герой, подобно автору, начинает видеть в современной цивилизации, эманацией которой

⁶ В случае мы не ставим вопрос о сближении в плане поэтики повестей «Невский проспект» и «Рим», которое представляется нам объектом самостоятельного исследования.

является Франция, времен Луи-Филиппа, «страшное царство слов вместо дел» [2, III, с. 227].

Во вновь обретенном родном городе героя, ставшем для автора второй родиной, оба они живут, созерцая природу, искусства и древности. Постижение родины – это и постижение веры, и постижение своих корней, и постижение самого себя. Поэтому за образом Италии неизменно присутствует и образ России. Герою видятся «во всем зародыши вечной жизни, вечно лучшего будущего, которое вечно готовит миру его вечный творец. В такие минуты он даже весьма часто задумывался над нынешним значением римского народа. Он видел в нем материал еще непечатый. Еще ни разу не играл он роли в блестящую эпоху Италии»[2, III, с. 243]. Стоит поменять «римский» на «русский» и «Италию» на «Россию» и перед читателем предстанет автор.

Повесть «Рим» отмечает собой новую фазу в развитии Гоголя-художника. Она, однако, не получила продолжения (если не считать незаконченный образ Тентетникова во втором томе «Мертвых душ») и была трагически прервана[8]. Впрочем, ее незавершенность кажется нам намеренной и функционально близкой к незавершенности «Евгения Онегина» и целого ряда произведений мировой литературы. Потому что «Рим» – это повесть рассуждений, а не повесть событий.

Произведение связано не только с моральными поисками Гоголя второй половины 40-х годов и с достижениями т.наз. гоголевской школы русской литературы XIX в. По меткому замечанию анонимного рецензента, Гоголь сумел прочувствовать «огромную разладицу между природою народа и теперешним его положением», поверить в «прекрасные силы, обещающие скорое воскресение к жизни».[4] Концептуальное противопоставление двух городов - Парижа и Рима вскрывает идейные и идеологические противоречия Нового времени; противоречия сиюминутности и вечности.

В Италии, где прожил семь лет (1836-1841 гг. и 1842-1843 гг.), писатель был как никогда близок к духовному перерождению. Как пронизательно заметил Павел Анненков, оставивший ценные свидетельства о жизни писателя в вечном городе весной-летом

1841 г., Гоголь был влюблен не только в город и его жителей, но и в свое собственное видение Рима: «Важное значение города Рима в жизни Гоголя еще не вполне исследовано. Памятником и свидетельством его воззрения на папскую столицу времен Григория XVI может служить превосходная его статья «Рим», в которой следует удивляться не завязке или характерам (их почти и нет), а чудному противопоставлению двух народностей, французской и итальянской, где Гоголь явился столь же глубоким этнографом, сколько и великим живописцем-поэтом... <...> Он был влюблен, смею сказать, в свое воззрение на Рим» [1].

Многие вопросы, такие, как специфика поэтики повести, вопрос о ее жанровой индивидуальности (повесть, очерк, эскиз, статья или фрагмент?), причины выбора, тяготеющей к кольцевой композиции (описание Аннунциаты, созерцаемой князем – история молодого князя – встреча героев во время карнавала) и другие остались за пределами нашей статьи. Отдельно можно комментировать высокий регистр повествования, составляющий разительное отличие от дискурса «Вечеров на хуторе близ Диканьки», намеренную архаизацию речи (*очи* вместо *глаза*, *хлад* – вместо *холод*).

Но анализ этих вопросов на данный момент не представляется нашей задачей: непосредственной целью статьи было вызвать интерес к итальянским страницам творчества Гоголя и, в частности, ввести повесть «Рим» в поле зрения болгарских исследователей. Будем надеяться, что это произведение заинтригует их так же, как притягивают их внимание «Ревизор» или «Шинель».

Библиографический список

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983.[онлайн]. [прегледан 30.09.2018].<https://iknigi.net/avtor-pavel-annenkov/132970-literaturnye-vospominaniya-pavel-annenkov/read/page-3.html>
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937—1952]. Т. 3. Повести. 1938; Т. 11. Письма, 1836—1841. 1952.
3. Гоголь и Италия. Материалы международной конференции «Николай Васильевич Гоголь между Италией и Россией» Состав. М. Вайскопф и Р. Джулиани. М. 2004.

4. Картины из Италии (Чарлса Диккинса (статья). // Отечественные записки, 1847, т. LIII, № 7, Отд. VII, стр. 3-5.
5. Ли В. Италия. Выбранные страницы. Москва. 1914.
6. Муратов П. Образы Италии. Москва, 1911, т.1[онлайн]. [прегледан 12.06.2018].http://az.lib.ru/m/muratow_p_p/text_0010.shtml
7. П. Грабовский – П.А. Кулишу. // Современник, 1846, т. 41, № 1.
8. Фридлиндер Г.М. О повести Гоголя «Рим» // Литература в движении времени : Ист.-лит. и теорет. очерки. М, 1983.[онлайн]. [прегледан 05.03.2018].<http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000074/st037.shtml>

Штайн Клара Эрновна
доктор филологических наук,
профессор
Северо-Кавказский федеральный
университет
Россия, г. Ставрополь
e-mail: textus2006@yandex.ru

Shtayn Klara Ernovna
North Caucasus Federal University
Professor, Dr. Sc.
Russia, Stavropol
e-mail: textus2006@yandex.ru

Петренко Денис Иванович
доктор филологических наук
Лицей № 17
Россия, г. Ставрополь
e-mail: textus2006@yandex.ru

Petrenko Denis Inanovich
Dr. Sc.
Lyceum № 17
Russia, Stavropol
e-mail: textus2006@yandex.ru

К. Э. Штайн, Д. И. Петренко

КРИЗИС БОЛЬШИХ НАРРАТИВОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И МЕТАПОЭТИКА ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация. В статье исследуется метапоэтика – изучение А.П. Чеховым собственного творчества и творчества писателей-современников. Анализируется эпистолярный характер метапоэтики, ее диалогичность; уделяется внимание эпистемологии, мировоззрению писателя, его взглядам на взаимоотношение науки и искусства. Показано, что в XX веке метадискурсы (романы) приобретают дискретные черты, с этим связывают кризис метафизической философии, больших нарративов. Появляется новый тип рассказа как оперативная форма отображения действительности, дающая возможность посмотреть на жизнь углубленно, изучить фрагмент реальности до самых ее оснований, с разных сторон, динамично, многомерно. Жанр рассказа при этом определяется как история, ограниченная во времени и пространстве, которая обнаруживает логику на уровне микрособытия в отличие от макрособытий глобальной истории. Анализ метапоэтики А.П. Чехова позволяет проследить осмысление самим художником ведущего жанра в творчестве – рассказа.

Ключевые слова: метапоэтика А.П. Чехова; эпистолярная метапоэтика; эпистемология; большой нарратив; рассказ; микрособытие; макрособытие.

K.E. Shtayn, D.I. Petrenko

CRISIS OF THE GREAT NARRATIVES (THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY) AND THE METAPOETICS OF A.P. CHEKHOV'S PROSE

Abstract. The authors of this scientific paper study A.P. Chekhov's metapoetics, they study how the great Russian writer investigates his own works and works of other writers of his epoch. The authors analyse epistolary nature of metapoetics, the main

attention is paid to an epistemology. It is shown that in the 20th century metadiscourses (novels) become discrete, which is connected with crisis of metaphysical philosophy and of great narratives. A short story in the first part of the 20th century becomes an operational form of display of reality giving the chance to look at life profoundly, to study a reality fragment deeper, to look at it from the different points of view, dynamically. The short story genre at the same time is defined as the history limited in time and space which finds logic at the level of a microevent unlike macroevents of global history. The analysis of metapoetics of A.P. Chekhov allows to track, what the writer thinks himself about the leading genre in his creativity – the short story.

Keywords: A.P. Chekhov's metapoetics; epistolary metapoetics; epistemology; great narrative; short story; microevent; macroevent.

Когда мы имеем дело с такими сложными явлениями, как проза А.П. Чехова, можно предаваться разным догадкам, но лучше опираться на данные, которые можно получить от самого писателя, то есть на его метапоэтику, знание не всегда явное, иногда оно являет себя через иронию, умолчание, оговорки, случайные догадки и др. [см. об этом: 7, 13].

Целостного анализа метапоэтики прозы А.П. Чехова пока не предпринималось, хотя в антологии «Русские писатели о литературном труде» (1954–1956) под редакцией Б.С. Мейлаха, в хрестоматии «Русские писатели о языке» под редакцией А.М. Докусова (1954) хорошо обозначен вклад Чехова в осмысление литературного творчества и русского языка. Исследователи творчества Чехова используют его переписку, статьи, заметки, но, как правило, высказывания Чехова берутся для подтверждения их собственного мнения.

Проблеме метапоэтики мы посвятили монографию «Метапоэтика: Поэты изучают русскую поэзию» (2018), составили антологию «Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса» в 4 томах (2002–2006), выпустили словарь «Русская метапоэтика» (2006), опубликовали ряд статей, сборники (2008, 2010, 2014) [см.: 13, с. 7–8].

Метапоэтика (греч. meta – после, за, через) – это изучение поэтами и писателями собственного творчества или творчества других писателей, поэтика по данным метапоэтического текста, или код автора, имплицированный или эксплицированный в текстах о художественных текстах, «сильная» гетерогенная система систем,

включающая частные метапоэтики, характеризующаяся антиномичным соотношением научных, философских и художественных посылок; объект ее исследования – словесное творчество, конкретная цель – работа над материалом, языком, выявление приемов, раскрытие тайны мастерства; характеризуется объективностью, достоверностью, представляет собой сложную, исторически развивающуюся систему, являющуюся открытой, нелинейной, динамичной, постоянно взаимодействующей с разными областями знания. Одна из основных черт ее – энциклопедизм как проявление энциклопедизма личности художника, создающего плотный сущностный воображаемый мир в своих произведениях.

За основу исследования метапоэтики А.П. Чехова берется его эпистолярный, хотя понятие метапоэтики значительно шире. В структуру метапоэтики Чехова входят его статьи, рецензии, заметки, записные книжки, записи на отдельных листах, дневники, а также высказывания о литературе и творчестве в самих произведениях – прозаических и драматических. В исследовании метапоэтики прозаических произведений мы ограничиваемся эпистолярием – корпусом произведений одного жанра: данные о литературе можно получить из непосредственного общения Чехова с корреспондентами, его современниками. Как правило, это писатели, начинающие или состоявшиеся, издатели, театральные деятели и др. Известно, что Чехов не писал пространных трактатов о литературе, а письма раскрывают нам художника в работе, в них немало личного, но по большей части это суждения, рекомендации, гипотезы, связанные с литературой, искусством.

Литература в конце XIX – начале XX века – это литература России в точке ее высочайших достижений, литература на переломе, когда заканчивается эпоха больших нарративов (романы И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого), а с пришествием А.П. Чехова и его современников В.Г. Короленко, А.И. Куприна, И.А. Бунина формируется творчество малых форм. Малые формы – рассказы, небольшие повести, они печатались и во времена А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, но новый тип рассказа как оперативная форма отображения действительности дал возможность посмотреть на жизнь углубленно, изучить фрагмент

реальности до самых ее оснований, с разных сторон, – динамично, многомерно.

Универсум мира (вселенная) и творчества Чехова (единая система текстов) представлен в рассказах и повестях ячейками (квантами) универсума, когда повествовательный квант (рассказ, заметка, письмо) дает вариативное представление о целом (текстотворчестве). Это связано со временем, с эпистемологической реальностью.

Р. Барт и многие другие исследователи отмечали особенности перелома классического языка и текста в конце XIX – начале XX века: «Между Романом и Историографией существовали тесные связи в ту самую эпоху, которая стала свидетельницей их наиболее пышного расцвета. Глубина этих связей, позволяющая одновременно понять и Бальзака, и Мишле, обусловлена тем, что каждый из них создавал свой автономный мир, имеющий собственное измерение и собственные границы, собственное время и собственное пространство, – мир со своими обитателями, предметами и мифами. Сферическая замкнутость великих произведений XIX века воплотилась в долгих, пространных повествованиях Романистов и Историков, – повествованиях, представлявших своего рода плоскость, на которую проецировался тот заверченный и внутренне связанный мир, чью вырождающуюся разновидность являл собою возникший в ту пору роман-фельетон со всеми его хитросплетениями» [2, с. 319].

Устройство классического романа находило выражение в рациональности классического языка. Рациональное устройство классического языка связано с тем, что сама Природа представлялась в эпоху XIX века единой и постижимой, в ней не было ничего невыразившегося или неясного, она до конца укладывалась в категории языка. «Классический язык всегда сводился к своей убеждающей функции, он домогался диалога, он создавал мир, где люди не были одиноки, где над словом не тяготел чудовищный груз вещей, где всякая речь оказывалась формой встречи с другим человеком», – пишет Р. Барт [там же, с. 331].

Постепенно язык превращается из посредника мышления в объект познания, обладающий собственным бытием и историей. Р.

Барт развивает эту «тему» в науке. Основываясь на противопоставлении классического (XIX век) и неклассического (конец XIX – начало XX века) языка и соответствующих типов текста, он исследует всевозможные связи языка, науки, природы и действительности: «...современная поэзия... разрушает реляционные связи языка и превращает дискурс в совокупность остановленных в движении слов. А это означает переворот в понимании Природы. Распад нового поэтического языка на отдельные слова влечет за собой разложение Природы на изолированные элементы, так что Природа начинает открываться только отдельными кусками. Когда языковые функции отступают на задний план, погружая во мрак все существующие отношения действительности, тогда на почетное место выдвигается объект как таковой: современная поэзия – это объективная поэзия... Ослепительная вспышка поэтического слова утверждает объект как абсолют» [там же, с. 332].

Представление природы в языке, в различных типах художественных текстов оказывается в определенной корреляции с представлением природы в науке. Ученые внимательно всматриваются в дискретные элементы материи в конце XIX — начале XX века, а писатели, в особенности А.П. Чехов, ведут пристальные наблюдения над человеком, фрагментами жизни, реальности, чтобы в целостном творчестве осмыслить их единство.

Понимание творчества писателя невозможно без знания эпистемологической реальности, в которой оно формировалось. Люди начала XX века выражали новые ощущения в связи с изменением в представлении реальности благодаря достижениям третьей научной революции (конец XIX – середина XX века): теории относительности А. Эйнштейна, квантовой механике Н. Бора, В. Гейзенберга, М. Планка и др.: «Одна из самых важных преград на моем пути сама рушилась благодаря чисто научному событию, – пишет В.В. Кандинский в работе «Ступени» (1913). – Это было разложение атома. Оно отозвалось во мне подобно внезапному разрушению всего мира. Внезапно рухнули толстые своды. Все стало неверным, шатким и мягким. Я бы не удивился, если бы камень поднялся на воздух и растворился в нем. Наука казалась мне уничтоженной: ее главнейшая основа была только заблуждением,

ошибкой ученых, не строивших уверенной рукой камень за камень при ясном свете Божественное здание, а в потемках, наудачу и наощупь искавших истину, в слепоте своей принимая один предмет за другой» [3, с. 20].

Обстановка в науке в начале XX века складывалась так, что представления о дискретности и непрерывности материи получили четкое выражение в понятиях о веществе и поле, различие между которыми явно фиксировалось на уровне явлений микромира. С каждым новым открытием строение микромира уточнялось, оказывалось все более сложным. Атомизм обогатил и конкретизировал такие категории, как единство мира, неисчерпаемость материи, всеобщая взаимосвязь и взаимодействие материальных объектов. В начале XX века становятся общими и общенаучными такие понятия, как дискретность, связь, взаимодействие, движение, пространство, время, структурность, системная организация, вечность во времени, структурная и пространственная бесконечность, способность к саморазвитию, отражение, единство прерывности и непрерывности.

Все эти представления не прямо, а косвенно находят выражение в литературе, искусстве, философии. Позже понятие о разрушении больших нарративов выразилось в рефлексии авангардистов, структуралистов. Р. Барт свел все атомистические процессы в литературе к «нулевой степени письма». Чеховская стилистика не имеет прямого отношения к футуризму, но она имеет отношение к символизму и импрессионизму – методам, при которых художник изображает фрагмент мира, свое впечатление от ощущений в реальном пространстве-времени. Говоря о чеховском стиле, Л.Н. Толстой отметил его импрессионистичность: «У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов. Смотришь, как человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку, и никакого как будто отношения эти мазки между собою не имеют. Но отойдешь на некоторое расстояние, посмотришь и в общем получается цельное впечатление» [цит. по: 6, ст. 113].

Философы отмечают, что в XX веке метадискурсы приобретают дискретные черты, с этим связывают кризис метафизической философии, больших нарративов: «Нарративная функция теряет свои

функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель, – пишет Ж.Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» (1979). – Она распыляется в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных и т.п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sui generis*. Каждый из нас живет на пересечениях траекторий многих этих частиц. Мы не формируем без необходимости стабильных языковых комбинаций, а свойства, которые мы им придаем, не всегда поддаются коммуникации. Таким образом, грядущее общество соотносится не столько с ньютоновской антропологией (как-то структурализм или теория систем), сколько с прагматикой языковых частиц. Существует много различных языковых игр – в силу разнородности их элементов. Они дают возможность своего учреждения только через места сбора и распределения информации – это локальная детерминация» [4, с. 10–11].

Нарратив – это произведение, излагающее тем или иным образом историю, опосредованную нарратором (рассказчиком) [12, с. 14–15; см. также: 5]. Нарратив (наиболее яркий пример нарратива – это исторический текст) имеет горизонтальное порождение. Необходимо отметить, что язык, текст, исторический дискурс находятся в корреляции с понятиями «глобальной» и «тотальной» истории (термины М. Фуко). Глобальная история находит воплощение в исторических нарративах, тотальная – в историческом описании и исследовании нарративов (а также исторической реальности) археологически, вглубь, в иерархическом рассмотрении последовательно структурированных слоев исторического нарратива и исторической реальности и прерывности, нахождении стабильных периодов между двумя «разломами» и «расколами» [см.: 8]. Роман как жанр литературы, особенно роман-эпопея, соотносится с понятием глобальной истории, рассказ – с понятием тотальной (локальной) истории, относительно стабильным (синхронным) историческим периодом между двумя историческими «прерывностями» («расколами») [там же, с. 12–13 и посл.].

Если основываться на рефлексии Р. Арона в работе «Курс лекций в Коллеж де Франс» (1976–1977), то жанр рассказа можно

определить как историю, ограниченную во времени и пространстве, которая обнаруживает свою собственную логику на уровне микрособытия (в широком смысле этого слова, в отличие от макрособытий глобальной истории) [см.: 1, с. 297].

В эпистемологическом пространстве идей «третьего мира» (К.Р. Поппер), в котором общенаучные принципы функционируют «без своих создателей», сходные по своей новизне идеи находят реализацию в научном, художественном, философском творчестве. И совершенно необязательно, чтобы писатель был хорошо знаком с научными теориями, и наоборот. Как известно, в связанной структуре идей каждый занимает свое место, а писатель «схватывает» истину, долго не рассуждая. На то он и гений, и великий, всемирно значимый художник. М. Хайдеггер утверждает: «Все искусство – дающее пребывать истине сущего как такового – в своем существе есть поэзия. <...> Истина, будучи просветлением и затворением сущего, совершается, будучи слагаема поэтически» [9, с. 305]. Имеется в виду поэзия в широком смысле.

Мы не сделаем открытия, если скажем, что писать об А.П. Чехове очень трудно. Как живущему говорить о воздухе, о свете, о жизни, о человеке, о языке, о мире? Чехов вроде бы пишет просто о простом, но в системе той целостности, когда по одному рассказу, а часто и его фрагменту можно судить о мире. «История сознания и его место в мире будут непонятны тому, кто предварительно не увидит, что космос, в котором находится человек, благодаря неуязвимой целостности своего ансамбля образует *систему, целое и квант* (курсив автора. – *К.Ш., Д.П.*). Систему по своей множественности; целое по своему единству; квант по своей энергии – и все это внутри неограниченного контура», – пишет П.Т. де Шарден [11, с. 46].

Говоря о целом, философ утверждает, что целое, как ткань; его невозможно рассечь на части, «но у него достаточно выяснить один элемент и определить закон формирования, чтобы путем повторения получить весь ансамбль и вообразить продолжение, как в кристалле или арабеске; этот закон действителен для всего заполняемого пространства, но целиком выражается уже в одной ячейке. <...> Порядок, рисунок обнаруживаются лишь в целом. Ячейка универсума – это сам универсум» [там же, с. 46–47]. Хотя нельзя не

признать важного научного принципа теории систем – эмерджентности – несводимости свойств системы к сумме свойств её компонентов, понятно, что в каждом компоненте содержатся какое-то особые свойства целой системы. Мы думаем, что так же можно говорить о рассказах Чехова: в любом рассказе, как в ячейке универсума, раскрывается сам универсум – город, страна, мир, человек, люди, человечество, при этом каждый рассказ обладает своей особой значимостью и неповторимостью в целом – текстотворчестве Чехова.

Фактически о рассказе как «ячейке универсума» сказал сам Чехов, правда, в ироничном тоне в письме О.Л. Книппер от 2 января 1900 года (Ялта): «В февр<альской> книжке «Жизни» будет моя повесть – очень страшная. Много действующих лиц, есть и пейзаж. Есть полумесяц, есть птица выпь, которая кричит где-то далеко-далеко: бу-у! бу-у! – как корова, запертая в сарае. *Всё есть* (курсив наш. – *К.Ш., Д.П.*)» [10, т. 9, с. 7–8]. Речь идет о повести «В овраге» (1899), это действительно одно из самых страшных произведений А.П. Чехова, а может быть, и русской литературы, если подразумевать под этим изображение самых низов жизни людей. В письме обозначена структура произведения Чехова как «ячейки универсума»: излюбленное Чеховым многолюдье; пейзаж как выход в пространство – указание на земное и небесное (полумесяц) – низ, верх; разрыв в указании на локальное пространство выходом в бесконечность («где-то далеко-далеко»); снижение пафоса иронией, перевод в обыденность (не космос, а сарай, не птица, а «корова, запертая в сарае»), ироничная локализация. Указание «всё есть» – не что иное, как сухое обобщение универсального характера, если говорить языком науки, введение квантора общности с помощью оператора – местоимения «всё» и предиката существования «есть» [см. об этом: 14].

На протяжении всей деятельности Чехов думает о написании романа и постоянно делится своими мыслями с писателями, опираясь на весьма законченную внутреннюю структуру обдумываемого произведения. В письме Д.В. Григоровичу от 9 октября 1888 года (Москва) Чехов описывает структуру будущего романа: «Те мысли, женщины, мужчины, картины природы, которые скопились у меня

для романа, останутся целы и невредимы. Я не растрянжирую их на мелочи и обещаю Вам это. Роман захватывает у меня несколько семейств и весь уезд с лесами, реками, паромами, железной дорогой. В центре уезда две главные фигуры, мужская и женская, около которых группируются другие шашки. Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно, а потому придется ограничиться только описанием, как мои герои любят, женятся, рождают, умирают и как говорят.

Пока не пробил час для романа, буду продолжать писать то, что люблю, то есть мелкие рассказы в 1–1 ½ листа и менее. Растягивать неважные сюжеты на большое полотно – скучно, хотя и выгодно. Трогать же большие сюжеты и тратить дорогие мне образы на срочную, поденную работу – жалко. Подожду более удобного времени» [10, т. 3, с. 17]. Герои проектируемого романа определяются в синергизме с природой: «женщины, мужчины, картины природы», с пейзажами – естественными и индустриальными: «несколько семейств и весь уезд с лесами, реками, паромами, железной дорогой». Сюжетно-композиционно центр – «две главные фигуры, мужская и женская, около которых группируются другие шашки».

А.П. Чехов как писатель и драматург всегда видит произведение в целом, легко высвечивает в письмах общую структуру всего текста. Вот, например, как он пишет К.С. Станиславскому 5 февраля 1903 года о структуре пьесы «Вишневый сад» – она «в голове» «уже готова»: название «Вишневый сад», четыре акта, «в первом акте в окна видны цветущие вишни, сплошной белый сад», «дамы в белых платьях» – «хохот», «неизвестно, от какой причины» [10, т. 11, с. 142].

Говоря о Чехове, о его обобщениях на уровне одного рассказа, одной пьесы, одного фрагмента реальности, мы отмечаем, что это единичное обобщение является «универсальным высказыванием» о наблюдаемых и ненаблюдаемых объектах, находящихся в мире эмпирических вещей и представлений и за их пределами. Не случайно и рассказы Чехова, и его драматические произведения являются высказываниями не только для России, но и для всего мира и всего человечества во все времена. Его взгляд всегда

стереоскопичен, охватывает большое ментальное пространство, множество фактов, наблюдений, напоминает, скорее, страницы энциклопедии, когда реалья погружена в жизнь.

Чехов часто дискутирует со своими критиками по поводу собственных произведений и при этом всегда предъявляет общую полную структуру произведения, показывает взаимодействие всех элементов – формальных и содержательных. Он утверждает, что рассказ должен «вылиться в нечто форменное» [10, т. 3, с. 20]. Дискутируя с А.Н. Плещеевым по поводу рассказа «Именины» (1888), Чехов определяет «стремление к уравниванию плюсов и минусов» как явление «подозрительное», то есть искусственное, но уточняет, что это равновесие «лжи героев» и «их правды». Чехов тонко рассматривает это соотношение «плюсов и минусов» в характере героев: Петра Дмитрича (он «тяжел и безнадежен», но «милый и мягкий человек»), Ольги Михайловны (она «лжет», но «ложь причиняет ей боль»). А вот «человек 60-х годов» – «недеятельная бездарность», но Чехов в изображении его «осторожен и краток». Художник честен, точен и в формальных элементах, и в содержательных: «Я врач и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи» (А.Н. Плещееву, 9 октября 1888 года, Москва) [там же, с. 18, 19, 20]. Чехов опирается на архитектурные формы («плюсы и минусы»), структуру образов и стилистическую точность в создании произведения.

В письмах Чехов постоянно уточняет особенности строения произведений, то, что должно «вылиться в нечто форменное»: это «архитектура» (архитектоника), конструкция (структура), важно и соотношение лексических и синтаксических элементов, которые способствуют выражению мыслей автора и героев: «Кстати же посылаю Вам вырезку из «Нового времени», – пишет Чехов В.Г. Короленко о книге американского писателя Г.-Д. Торо «В лесу». – Этого Торо, о котором Вы из нее узнаете, я буду вырезывать и беречь для Вас. Первая глава многообещающая; есть мысли, есть свежесть и оригинальность, но читать трудно, архитектура и конструкция невозможны. Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, выжимают друг из друга

соки и, того и гляди, запишат от давки» (В.Г. Короленко, 17 октября 1887 года, Москва) [10, т. 2, с. 130].

Обратим внимание на то, что Чехов оперирует антропоморфными терминами («тяжеловесные мысли», «выжимают соки», «запишат от давки»), имеющими организмический характер, говорящий о телесном восприятии текста.

Чехов всегда включался в работу своих корреспондентов, в том числе и брата Ал.П. Чехова, помогая ему в отборе тем, в создании произведения искусства, четко определяя взаимодействие всех структурных и системных элементов: «Город будущего» – тема великолепная, – пишет он Ал.П. Чехову 10 мая 1886 года из Москвы, – как по своей новизне, так и по интересности. Думаю, что если не поленишься, напишешь недурно, но ведь ты, чёрт тебя знает, какой лентяй! «Город будущего» выйдет художественным произведением только при след<ующих> условиях: 1) отсутствие продлинновенных слово-извержений по-лити-ко-социально-экономического свойства; 2) объективность сплошная; 3) правдивость в описании действующих лиц и предметов; 4) сугубая краткость; 5) смелость и оригинальность; беги от шаблона; 6) сердечность.

По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки и иметь характер à propos (кстати, между прочим. – *К.Ш., Д.П.*). Общие места вроде: «Заходящее солнце, купаясь в волнах темневшего моря, заливало багровым золотом» и проч. «Ласточки, летая над поверхностью воды, весело чирикали» – такие общие места надо бросить. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. <...> В сфере психики тоже частности. Храни Бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев... Не нужно гоняться за избытком действ<ующих> лиц. Центром тяжести должны быть двое: он и она...» [там же, с. 241–242].

Иногда Чехов уточняет особенности структуры произведения: «Моя повесть («Степь». – *К.Ш., Д.П.*) появится в мартовской книжке «Сев<ерного> вест<ника>», – пишет он И.Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 января 1888 года (Москва). – Странная она какая-то, но есть

отдельные места, которыми я доволен. Меня бесит то, что в ней нет романа. Без женщины повесть, что без паров машина. Впрочем, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу без женщин!!!» [10, т. 2, с. 182].

В число главных компонентов общей системы и структуры произведения Чехов вводит объективность, правдивость, краткость, смелость, оригинальность, сердечность. Описания природы Чехов анализирует лабораторно – исследует во взаимосвязи человека и природу с точки зрения антропоморфного характера образных средств. Душевное состояние героев определяется из их действий, в структуре произведения центр тяжести – «двое: он и она». Здесь лаконизм в описании формы предельный и носит весьма смелый характер, обобщение «двое» кажется немислимо простым, но это взвешенная простота отбора элементов в строении художественной формы.

Библиографический список

1. Арон Р. Курс лекций в Коллеж де Франс // Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 177–312.
2. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 306–349.
3. Кандинский В.В. Ступени. – М.: Издание Отдела изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению, 1918.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Алетейя, 1998.
5. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974.
6. Палиевский П.В. Импрессионизм // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. – Т. 3. – 1966.
7. Петренко Д.И., Штайн К.Э. Проза А.П. Чехова: Метапоэтика и поэтика. – Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2018.
8. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-центр, 1996.
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: МГУ, 1987. – С. 264–312.

10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983.
11. Шарден П.Т. де. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
12. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
13. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Метапоэтика: Поэты исследуют русскую поэзию. – Ростов-на-Дону: «Полиграф-Сервис», 2018.
14. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Универсальность Лермонтова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014.

References

1. Aron R. A course of lectures in College de Frans // Aron R. Favourites: Measurements of historical consciousness. – Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2004. – P. 177–312.
2. Barth River. Zero degree of the letter // Semiotics. – Moscow: Rainbow, 1983. – P. 306–349.
3. Kandinsky V.V. Steps. – Moscow: Edition of Department of the Fine Arts of the National Commissariat of Education, 1918.
4. Liotar J.-F. The state of postmodern. – Moscow: «Institute of experimental sociology», 1998.
5. Nechayeva O.A. Functional and semantic types of the speech (description, narration, reasoning). – Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1974.
6. Paliyevsky P.V. Impressionism // Short Literary Encyclopedia. – Moscow: Soviet encyclopedia, 1962–1978. – V. 3. – 1966.
7. Petrenko D.I., Shtayn K.E. A.P. Chekhov's prose: Metapoetics and poetics. – Rostov-on-Don: «Polygraph Service», 2018.
8. Foucault M. Knowledge archeology. – Kiev: Nika-Center, 1996.
9. Heidegger M. A source of art creation // The Foreign esthetics and the theory of literature of the 19-20th centuries – Moscow: Moscow State University, 1987. – P. 264–312.
10. Chekhov A.P. Complete works and letters: In 30 v. Letters: In 12 v. / Academy of Sciences of the USSR. Institute of the world literature named after A.M. Gorky. – Moscow: Science, 1974–1983.
11. Chardin P.T. Phenomenon of the human. – Moscow: Science, 1987.
12. Schmid V. Narratology. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003.
13. Shtayn K.E., Petrenko D.I. Metapoetics: Poets investigate the Russian poetry. – Rostov-on-Don: «Polygraph Service», 2018.
14. Shtayn K.E., Petrenko D.I. Universality of Lermontov. – Stavropol: North-Caucasus State Federal University, 2014.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Татьяна Сергеевна Супранкова
старший преподаватель
Белорусский государственный
университет
Беларусь, Минск
e-mail: tatsupr@tut.by

Tatsiana Suprankova
Senior Lecturer
Belarusian State University
Belarus, Minsk,
e-mail: tatsupr@tut.by

Т.С. Супранкова

ИСТОКИ ТОПОСА ФАУСТИАНЫ В ГЕРМАНО-СЛАВЯНСКОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. Белорусская культура, являясь частью европейской, всегда была открыта на межкультурный диалог как с Западом, так и с Востоком. Подтверждением этому становится рецепция фаустианы в белорусском культурном наследии. Статья посвящена исследованию фаустианских топосов и мотивов в немецкой, польской и белорусской культурах. Рассматривается воздействие фаустианы на концептуальные философские проблемы, затронутые в произведениях немецких, польских, белорусских авторов, на специфику создания художественных образов.

Ключевые слова: фаустиана, мотив, топос, межкультурная коммуникация, Фауст, пан Твардовский

T.S. Suprankova

THE ORIGINS OF THE FAUST-CONCEPT TOPOS IN THE GERMAN-SLAVIC INTERCULTURAL DIALOGUE

Abstract. Being involved into European cultural context Belarusian culture has always been open to the intercultural dialogue both with the West and the East. Reception of the Faust-concept in the Belarusian cultural heritage can verify this statement. The article is dedicated to the study of the Faust-concept topos and motives in German, polish and Belarusian cultures. The author also considers the impact of the Faust-concept on the conceptual philosophical problems raised in the works of German, polish and Belarusian authors, and on the specific way of creating artistic images.

Keywords: Faust-concept, motive, topos, intercultural communication, Faust, pan Twardowski

Еще со времен Средневековья, когда начали формироваться культуры современных европейских народов, происходит межкультурный диалог в западноевропейском пространстве, под

которым мы понимаем обмен культурным опытом, ценностями, обогащение культур в результате такого взаимодействия. Примеров этому множество: заимствованная лексика в национальных языках, адаптация стилей национальными школами зодчества, живописи, скульптуры, обмен литературными сюжетами. Одним из ярчайших примеров такой межкультурной коммуникации является и сюжет о Фаусте, который увидел свет во франкфуртской типографии Иоганна Шписа в 1587 году как анонимное произведение «История доктора Иоганна Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника». Это первая по времени зафиксирована версия легенды, хотя прототипов и предпосылок к возникновению именно такого топоса в мировой культуре было довольно много.

Истоки фаустианского сюжета коренятся в архетипе бунта, восстания, запрета и нарушения, проявление которого запечатлено еще в древнейших текстах: библейской истории об Адаме и Еве из Книги Бытия, восстания ангелов во главе с Люцифером из «Книги Еноха», в мифе о Прометее в выдающейся обработке древнегреческого трагика Эсхила. Образы Фауста и Мефистофеля становятся вечными, а важнейшими мотивами в сюжете являются договор с дьяволом, поиск истины любыми средствами, ограниченность человеческих знаний и разочарование в них, спасительный образ Вечно-Женственного и др. Безусловно, лучшая в мировой литературе обработка топоса фаустианы принадлежит перу немецкого писателя и мыслителя эпохи Просвещения Иоганну Вольфгангу фон Гёте.

Топос фаустианы – один из самых популярных в европейской культуре. Оформившись в эпоху Ренессанса, он получил распространение в литературе Западной Европы (немецкая народная легенда «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародеи и чернокнижнике», трагедия английского драматурга К. Марло «Трагическая история доктора Фауста») и на территории Речи Посполитой в польской и белорусской культуре (цикл легенд о пане Твардовском). В эпоху Просвещения эта мифологема привлекла немецких сентименталистов, ярким представителем которых был молодой И.В. Гёте, написавший своего «Прафауста» («Urfaust») в 1772 г. Не посчитав этот труд достойным, великий писатель сжег его,

но, как напишет русский писатель XX века М. Булгаков в своей фаустиане «Мастер и Маргарита», «рукописи не горят»: через столетие была найдена рукописная копия первого «Фауста», сохранившаяся благодаря почитательнице таланта молодого Гёте Луизе фон Хёххаузен. Переработанный «Фауст», его первая часть, увидел свет только в 1808 году. Вторую величайший мастер создавал вплоть до своей смерти в 1832 году. Это шедевральное произведение, дело всей жизни И. В. Гёте, становится образцом, провозглашая мифологему и философему фаустианы в мировой литературе и культуре.

Послегётевскую эпоху открывает европейский романтизм – литературный стиль, пришедший на смену просветительским направлениям. В эстетике романтизма, которая подпитывалась культурой Просвещения и одновременно полемизировала с ней, интерес представляло в первую очередь творчество И. В. Гёте. Когда вторая стадия немецкого романтизма (гейдельбергского) начинает набирать силы, некоторые романтики пробуют создать свою интерпретацию знаменитого немецкого сюжета: романтический «Фауст» (драматический отрывок) появляется у А. фон Шамиссо в 1803 г. (самая же удачная интерпретация – новелла «Невероятная история Петера Шлемиля»), стихотворение «Доктор Фауст» собирателями фольклора А. фон Арнимом и К. Брентано размещено в «Волшебном роге мальчика» (1806–1808), дальнейшие интерпретации – роман «Мемуары сатаны» известного сказочника В. Гауфа (1827), драма «Дон Жуан и Фауст» 1828 г. Х. Д. Грабе, в 1836 г. выходит лирико-эпическое произведение «Фауст» Н. Ленау. Музыкальный «Фауст» (1808–1833) – опера композитора А. Г. Радивилла, либретто к которой написал И. В. Гёте, – в музыкознании относят к романтизму.

Не все исследователи согласны с непосредственным влиянием немецкой народной легенды на предание о пане Твардовском, но, безусловно, это история занимает почетное место в ряду таких произведений фаустианского цикла, как рассказы о самарянине Симоне-маге, древнеперсидском Зохаке, антиохийских Киприане и Юстине (испанский Фауст Кальдерона называется «Маг-чудотворец»), византийском Феофиле, кельтском Мерлине,

итальянском Каруле, чешском Жито и немецком Фаусте. Начиная с первой четверти XIX в., предания о Твардовском стали привлекать внимание фольклористов, этнографов, литературоведов. Некоторые из них соглашались с очевидным влиянием легенды о докторе Фаусте. Среди них можно назвать польского фольклориста и историка литературы Казимежа Владислава Вуйцицкого, который опубликовал в 1837 г. первый сводный текст сказаний о Твардовском, немецких исследователей Т. Фогля [3], В. Лепельмана, Й. Гольдштерна, чьи заголовки научных трудов утверждали, что легенда о Твардовском – польский вариант фаустианской версии. Тем более что сама немецкая легенда о Фаусте появилась в польском переводе также в 1587 г., в год ее издания Иоганном Шписом в типографии Франкфурта-на-Майне. Сторонники же национальной версии появления такого героя видели прототип Твардовского в польских средневековых представлениях (Казначей, Петр Дунин, Белфегор) и даже в сочинениях римского поэта Вергилия.

Попробуем провести аналогии в историях Фауста и Твардовского, чтобы выделить особенности сюжета о Фаусте в польско-белорусской версии легенды. Рассмотрим сначала этимологию номинации главных героев. Насчет происхождения фамилии Фауста, как и Твардовского, существуют различные версии. Если искать аналогии в немецком языке, то существительное женского рода «die Faust» переводится как «кулак» (распространенная в Германии фамилия, указывает на твердость и прочность характера, силу духа), в латинском языке прилагательное «faustus» обозначает «счастливый» (несмотря на свой род занятий, он стремится найти счастье и быть счастливым запретными средствами). Германист Виктор Жирмунский утверждает, что Фауст – личность историческая. О нем есть упоминания между 1507 и 1540 годами, о чем свидетельствуют его современники в исторических документах (известные немецкие гуманисты Филипп Меланхтон, Филипп фон Гуттен, епископ Бамбергский Георг III и др.) [2, с. 271–272]. Далее российский исследователь приводит конкретные места пребывания этой неординарной исторической личности. Среди них представляет интерес следующее свидетельство: «К Меланхтону (Манлию) восходит известие, будто Фауст учился в Краковском

университете, где в то время «публично преподавали магию» (подразумевается так называемая «естественная» магия в отличие от черной магии или чернокнижия). Сведения эти повторяют позднейшие авторы, следующие за Меланхтоном – Манлием (Вир, Мейгериус, Лерхейм и др.)... Существенно, что они наличествуют в польских «Анналах» Станислава Сарнициуса...» [2, с. 273–274]. Согласно документальным свидетельствам, Ягеллонский университет в Кракове (1364 г.) – старейшее учебное заведение для земель польских и Великого княжества Литовского, в котором обучался и белорусский первопечатник Франциск Скорина в начале XVI в., приобрело известность еще и тем, что там изучалась нигромантия.

Станислав Сарнициус замечает: «А так как в Кракове в старину более, чем в других городах, занимались магией, то многие упорно утверждают, что при помощи магических чар жители Кракова вызывали тени польских героев такими по виду, какими описывал своих героев Овидий, и после печатали их изображения и рисовали на углах домов» [2, с. 26]. Эта запись проливает определенный свет на фигуру пана Твардовского, про которого в Беларуси до сегодняшних дней ходят легенды о вызывании духа Барбары Радзивилл по просьбе короля Жигимонта Августа. Поэтому, опираясь на эти сведения, можно сделать вывод, что немецкий Фауст и польский Твардовский, – разные люди. Немецкие историки полагают, что исторический пан Твардовский происходил из Нюрнберга и обучался в Виттенберге медицине, после поселился в Кракове 1565 г. Как и Фауст, он имел латинизированное имя – «Dhur», что происходит от прилагательного «durus», а по-польски звучит как «twardy» – «твердый», «сильный», «строгий». А в польском языке фамилия звучит как «Твардовский». Как можно увидеть, этимология имен этих героев объединена концепцией твердого и сильного характера, желанием идти до конца в достижении цели, чтобы прикоснуться к тому, что другим не позволено, и стать счастливым. Эти мотивы будут важными для И.В. Гёте в его дальнейшей трактовке образа Фауста и в реализации идей великого немецкого писателя в концепции сверхчеловека Ф. Ницше.

Важным мотивом фаустианы является контракт с нечистой силой. Все христианские произведения стремятся акцентировать этот момент, чтобы вывести мораль, что этого делать нельзя. В христианской библейской трактовке притчи о грехопадении Адама и Еву соблазнил сатана, который вселился в змея. Шедевром мировой литературы, где этот сюжет ярко представлен, является «Потерянный рай» Джона Милтона. Все остальные средневековые легенды, описывая такого рода истории, также несут подобную коннотацию. Поскольку немецкая версия появилась раньше, чем история о Твардовском, и, возможно, повлияла на польско-белорусскую, то издание Шписа также пропитано поучительными нотками. История пана Твардовского связана с Краковом, где мог обучаться и Иоганн Георг Фауст черной и белой магии. Согласно К. Вуйцицкому, Твардовский лечил народ и занимался колдовством, чтобы изобрести лекарство против смерти. Договор с нечистой силой объясняется в легенде очень весомой причиной: главный герой сам заболел и не хотел умирать, поэтому такое средство было, по его мнению, единственной надеждой на продолжение земной жизни («*bo nie chciało mi się umrzeć*» [4]). Фауст же, согласно народной легенде, также будучи врачом, «захотел постигнуть все глубины неба и земли» [2, с. 39]. Но немецкий герой перед принятием такого решения, как подписание договора (факт договора фиксируют обе версии), три раза разговаривает с Мефистофелем и только после заключает с ним контракт, текст которого приведен в произведении. Немецкая версия педантично прописывает все его пункты: определен срок действия контракта – двадцать четыре года, а также обязанности двух сторон – Фауста и Мефистофеля. В польской версии срок договора не оговорен, и это важная черта именно славянского менталитета. Единственное, что сказано об условии, согласно которой бес заберет душу Твардовского, – это произойдет в Риме. Неопределенность срока станет важным аспектом для Гёте, так как его герой одноименного произведения сам диктует условия контракта, надеясь на свою победу и на проигрыш Мефистофеля. Кстати, обе версии подчеркивают необыкновенную ученость врачей и чернокнижников, а также и то, что герои прилагают много усилий, чтобы постичь различные науки, дозволенные и запретные. Но в

немецкой версии важным является мотив времени, в польской – места.

Следующий консолидирующий аспект рассказов о чернокнижниках – «чудеса», которые с помощью нечистой силы они делают. Твардовский приказывает дьяволу свезти серебро со всей Польши в рудник Олькуш и засыпать его песком, опрокинуть Песчаную скалу и поставить ее тонким концом вниз и т. д. Твардовский получил все, что хотел: ездил на нарисованных лошадях, летал по воздуху без крыльев, прыгал на петухе быстрее, чем на коне, плавал с любовницей на лодке по Висле против течения без весел и паруса, зажигал деревни на расстоянии в сто миль, с помощью волшебства возвращает себе молодость (мотив омоложения присутствует и у Гёте). В немецкой версии Фауст часто разговаривает с нечистым духом на философские темы: про ад, сатану и его прислужников, об устройстве вселенной, совершает путешествие в ад, а также по всему миру. Но есть и бытовые трагедийные зарисовки, вроде фокусов Твардовского: отпиливание ноги, пожирание воза сена, полет в воздухе и др.

Женские образы – очень важная часть фабулы обоих сюжетов. В легенде о Твардовском сначала есть упоминание про его любовницу, которую он катал в лодке по Висле, после шляхтич вступает в брак с молодой пани, разгадав ее загадку, но через некоторое время прогоняет ее от себя. Пани Твардовская построила себе из глины домик на краковском базаре и торговала там горшками и мисками. Твардовский завел экипаж, богатый двор с прислугой и не имел недостатка в деньгах. Проезжая через краковский базар, он каждый раз приказывал своим слугам разбивать горшки, которыми торговала его жена. Та посылала ему за это проклятия, а Твардовский хохотал.

В немецкой народной книге Фауста посещает желание жениться, но черт убеждает его в привлекательности прелюбодеяния. Сожительницами чернокнижника оказываются красивейшие женщины мира, нечистые духи, даже сама Елена Спартанская. Этот мотив станет важным после и для Гёте, но его образ Елены наполнен символическим смыслом и означает путь новоевропейской культуры к канонам античной красоты и их переосмысление, в частности

эстетикой Веймарского классицизма. В версии народной легенды Фауст вызывает Елену как духа, чтобы показать студентам, как он до того показывал духов Александра Великого и его жены императору Карлу V. После, когда остается один год до окончания контракта, Елена становится его наложницей и рождает ему сына, который обладает пророческим даром. Со смертью Фауста оба исчезают. По несвижской и другим версиям о вызывании духа королевы Барбары Радзивилл, умершей жены короля Жигимонда Августа, которые не зафиксированы у Вуйцицкого, король Речи Посполитой обратился к чернокнижнику Твардовскому. Барбара Радзивилл не была из королевского рода, но своей внешней и внутренней красотой покорила сердце самого короля, поэтому она является идеалом красоты и совершенства в белорусской культурной традиции. Таким образом, общий мотив вызывания духа умершей красавицы присутствует в немецкой и славянских версиях.

В легенде, записанной Вуйцицким, мотив молитвы к Деве Марии и ее заступничество, которое спасает Твардовского от лап черта, играет важную роль в фабуле и кардинально противоположно немецкому аналогу. Исследователь Ю.К. Бегунов сравнивает легенду о Твардовском с подобным сюжетом о Савве Грудцыне в русском фольклоре, ища общее. Среди таких мотивов он также отмечает небесное покровительство Марии: «С повестью о Савве Грудцыне сказания о Твардовском роднит демонологическая тема: герой русской повести – сын устюжского купца Грудцына-Усова Савва продал свою душу дьяволу. Обманутый Названным братом (а на самом деле, сатаной), он изведal немало приключений и даже совершил подвиги на полях сражений; в конце концов, Савва был избавлен от адского огня Богородицей. В основе польской и русской демонологических легенд лежит мотив службы дьявола человеку с коварным замыслом овладеть его душой. Этому замыслу не суждено осуществиться. И Грудцын, и Твардовский, два великих грешника, были спасены Богородицей по молитве к ней. В этом нетрудно заметить нечто общее. И в польских католических сказаниях, и в русских православных преданиях о деве Марии исключительное значение придается молитве, обращенной к ней» [1, с. 84].

Еще одной точкой соприкосновения является мотив расплаты. В немецкой Народной книге Фауст представлен как негативный герой, который занимается волшебством, что противоречит духу христианской церкви и осуждается. Из ошибок героя читателю следует вынести поучительный урок. Доктора Фауста сопровождает злой черт Мефистофель, который обещает главному герою различные жизненные утехи и, выполняя его капризы, забирает его душу через двадцать четыре года. Хотя в конце рассказа Фауст и желает отвернуться от злых дел, автор будто бы не дает ему никакого шанса, поскольку отменить договор с чертом ни в коем случае нельзя. В одном из финальных эпизодов главный герой говорит о будущей гибели: «Ах, кто избавит меня теперь от несказанного пламени преисподней? Ибо нет помощи, ибо рыдания о грехах бесполезны. Нет покою ни ночью, ни днем. Кто же спасет меня, несчастного? Где мое прибежище? Где мой щит, помощь и спасение? Где моя крепость и оплот? Чем мне утешиться? Не святителями Божьими, ибо я стыжусь к ним воззвать и не услышу ответа, но лучше мне закрыть лицо свое, чтобы не видеть ликования избранных» [2, с. 98].

В легенде о Твардовском нет точного срока заключения договора. Конец приключениям главного героя приходит вскоре: дьявол решил забрать шляхтича к себе и обхитрить его. Кстати, Твардовский так и не собирался ехать в Рим. Подкараулив пана в темном лесу, черт хотел взять с него слово, что тот посетит вечный город. Но Твардовский отказался, после чего нечистый вырвал с корнем сосну и так сильно ударил ей по ноге шляхтича, что сломал ему ногу (возможно, отсюда пошла кличка Твардовского – «колченогий (kuternoga)»). И все же черт перехитрил его: Твардовский оказался раз в таверне под названием «Рим». Переступив порог, он увидел богато одетого господина, из-под шапки его показывались рога, из сапог – когти, сзади был хвост. Твардовский понял, что пришло время расплаты. Дьявол схватил его и вынес через трубу из дома, после чего поднял в небеса. Увидев родную землю, он вознес молитву к Марии, и Богородица спасла пройдоху, избавив от адского огня. Но и небеса не захотели принять пана Твардовского, и он до Страшного суда вынужден находится

между небом и землею. Таким образом, это история носит и этимологический характер: здесь дается объяснение, почему на луне мы видим пятна.

Но этот диалог культур, реализованный посредством фаустианской топики, распространился и за границы собственно литературного творчества. Романтики считали поэзию – искусство Слова – величайшим из искусств. Пожалуй, единственным, что превосходило Слово, был Звук – самое нематериальное и эфемерное явление в мире. Среди композиторов-романтиков, которому по душе пришлась гётевская фаустиана, первым стал выходец из белорусских земель князь Антоний Генрик Радивилл. Заинтересованность литературным сюжетом «Фауста» Гёте с момента выхода в свет произведения породила многочисленные музыкальные интерпретации Ш. Гуно, Г. Берлиоза, М. Глинки, А. Локшина, М. Мусоргского и других классиков мировой музыки. Радивилловская версия – первая по времени написания музыкальная обработка, плод многолетнего труда композиторского и писательского талантов, плод взаимодействия культур. Поэтому либретто «Фауст» представляет интерес как театральное произведение эпохи романтизма, как величайшее философское и эстетическое воплощение гётевского гения. Интерес представляет и направление переосмысления автором отдельных образов, переакцентуация их в соответствии со спецификой жанра либретто. Причина интереса и в том, что произведение является результатом взаимодействия двух культур (немецкой и белорусской) и двух эпох (Просвещения и романтизма).

Понимание ментальности другого народа, способность принять и вместить опыт иной культурной традиции, синтезировать лучшие достижения «своего» и «чужого» – эти факторы неизбежно приводят к выдающимся результатам. Так и деятельность князя Антония Генрика Радивилла, эмигранта из Великого княжества Литовского после третьего раздела Речи Посполитой, стала результатом межкультурной коммуникации. Как дань культурной памяти в конце XX века на сцене Национального Большого академического театра оперы и балета была поставлена радивиллово-гётевская версия «Фауста», приуроченная к

двухсотпятидесятилетию со дня рождения автора-либреттиста. Фигуре пана Твардовского посвящены опера А. Н. Верстовского, балеты Г. Зоненфельда, Л. Ружицкого, баллада С. Монюшко.

В белорусской культуре фаустианская тема также нашла яркое отражение. Особенно открытыми на такого рода межкультурный диалог оказались Адам Мицкевич и Ян Барщевский в эпоху, которая в истории мировой культуры носит непосредственно название «романтизм», также автор двадцатого века – Владимир Короткевич, которого справедливо записывают в романтики, хотя сам период романтизма и неоромантизма уже давно закончился. У Адама Мицкевича фаустиана присутствует в балладе «Пани Твардовская», а в драматической поэме «Деды» упоминается персонаж пан Твардовский, новелла о чернокнижнике Твардовском присутствует в «Шляхтиче Завальни или Беларуси в фантастических повествованиях» Яна Барщевского, романтик Томаш Зан также написал балладу об этом персонаже. Таким образом, романтиков XIX века больше интересует национальный герой. Фаустианские аллюзии (непосредственно на «Фауста» И.В. Гёте) присутствуют в «Ладье отчаяния» и «Легенде о бедном дьяволе и об адвокатах сатаны» Вл. Короткевича. В польской литературе также уделяется внимание национальному варианту: романы «Мастер Твардовский» Ю.И. Крашевского «Пан Твардовский, польский чернокнижник» В. Серошевского, баллады «Твардовский» С. Гулака-Артемовского, «Мастер Твардовский» Л. Стафа, «Пан Твардовский» Л. Риделя и др.

В живописи, театральном искусстве и кинематографе фаустиана получила также широкое распространение. Особенно заинтересованы образами Фауста и Твардовского были творцы XIX и XX веков. Фауст – любимый герой кинематографа, начиная с Ж. Мельеса и экспрессионистского кино В.Ф. Мурнау. Легенда о Твардовском также неоднократно была экранизирована деятелями польского кинематографа. В белорусской культуре наибольший интерес представляют театральные работы режиссера Гродненского областного театра кукол Олега Жюгжды «Магическое зеркало пана Твардовского» (2009, по пьесе Сергея Ковалева) и «Фауст. Сны» (2014, А. Жюгжда).

Таким образом, в истории Фауста и Твардовского есть много общего – их соединяет эпоха Возрождения с ее смелыми идеалами, общие мотивы, историческая конкретика. Но в каждой легенде присутствуют и национальные аспекты, которые являются проявлением ментальных установок тех культур и этносов, которые их породили. Легенды о Фаусте и Твардовским стали не только интересными историями, но и воплотились в дальнейших обработках и вызвали широкий резонанс в национальных и зарубежных культурах. Что касается белорусской культуры, то легенда о Твардовском послужила источником белорусской фаустианы, имея общие топосы и мотивы с немецкой версией, а в дальнейшие эпохи (в первую очередь романтизма) является предметом литературного дискурса.

Библиографический список

1. Бегунов Ю.К. Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твардовском» // Советское славяноведение. – 1983. – № 1. – С. 78–90.
2. Легенда о докторе Фаусте. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 424 с.
3. Vogl T. Twardowski – der polnische Faust. – Wien, 1861. – 85 p.
4. Wójcicki K.W. Klechdy starozytne podania i powiesci ludu polskiego i Rusi. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. – 372 p.

Абрамова Вероника Игоревна
кандидат филологических наук,
доцент
Тульский государственный
педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула
e-mail: istinijobraz@mail.ru

Abramova Veronika Igorevna
Ass. Professor, Ph.D.
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University
Russia, Tula
e-mail: istinijobraz@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент
Тульский государственный
педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула
e-mail: archangelju@yandex.ru

Arkhangelskaia Julia Vladimirovna
Ass. Professor, Ph.D.
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University
Russia, Tula
e-mail: archangelju@yandex.ru

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская
**ОТ КИТАЙСКОЙ ГРАМОТЫ ДО ДЯДЮШКИ ЛЯО:
РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КИТАЕ И КИТАЙЦАХ В
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Аннотация. Анализ лексических и фразеологических единиц, представленный в статье, показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных «сквозных мотива», отражающих представления о Китае и китайцах: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.): *китайская грамота, китайская стена, китайские церемонии, последнее китайское предупреждение, как сто китайцев* и др.; 2) плохое, некачественное: *что-либо, сделанное дядюшкой/дядей Ляо, белье из китайской прачечной, китайка* (в значении ‘нестираное постельное белье в поезде’) и др. Единицы первой группы имеют давнюю историю и отражают традиционные для русского сознания представления о Китае и китайцах. Единицы второй группы относительно новые, начавшие фиксироваться в конце XX века, когда в Россию хлынули дешевые некачественные товары из Китая.

Ключевые слова: Китай, китайцы, русская языковая картина мира, фразеология, лексика

V.I. Abramova, J.V. Arkhangelskaya

**FROM KITAYSKAYA GRAMOTA TO DYADYUSHKA LAO:
EVOLUTION OF NOTIONS OF CHINA AND THE CHINESE IN THE
RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (ON THE BASIS
OF LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL MATERIAL)**

Abstract. The article provides analysis of lexical and phraseological units showing that there are two »leitmotifs« in the Russian linguistic picture of the world, which reflect notions of China and the Chinese: (i) intensely expressed (complicated, incomprehensible, strange, etc.): *kitayskaya gramota, kitayskaya stena, kitayskiye tseremonii, posledneye kitayskoye preduprezhdeniye, kak sto kitaytsev*, etc.; (ii) bad, low-quality: something made by *dyadyushka/dyadya Lao, belyo iz kitayskoy prachechnoy, kitayka* (meaning ‘unwashed bedclothes on trains’), etc. The units of the first group have long history and reflect notions of China and the Chinese, which are traditional for the Russian consciousness. The units of the second group are relatively new, they started getting registered in the late 20th century, when cheap low-quality Chinese-made goods flooded Russia.

Keywords: China, the Chinese, Russian linguistic picture of the world, phraseology, vocabulary

Китай и *китайцы* в русской языковой картине мира занимают особое место, что закреплено в лексических и фразеологических единицах русского языка и свидетельствует о многовековых исторических и культурных связях между Россией и Китаем. Объектом нашего исследования станут лексические и фразеологические единицы, обладающие метафорическим значением.

На периферии фразеологии находятся сочетания слов, которым присуща определенная устойчивость и которые отражают представления русских людей о китайской культуре: *китайский фарфор, китайский зонтик, китайский фонарик, китайский веер, китайский новый год, китайские палочки, китайская кухня, китайская тушь* и т.п. Однако, поскольку они лишены переносных значений, характерных для собственно фразеологических единиц, мы не будем анализировать их в данной статье.

По мнению А.Д. Шмелева, «представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде (пресуппозиции, коннотации, фоновые компоненты значения), так что человек принимает их на веру, не задумываясь», а кроме того, эти

неявные компоненты смысла нередко «повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода »сквозные мотивы» языковой картины мира» [25, с.14–15].

Анализ лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных «сквозных мотива», отражающих представления о *Китае* и *китайцах*: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное.

Первое выражение, которое мы рассмотрим, – *китайская грамота*. Оно связано с конкретным историческим фактом. В 1618 году в Китай по поручению царя Михаила Федоровича отправилась представительская миссия с целью установления торговых связей с далекой страной. Цель была достигнута, договоренность о торговых делах между двумя странами оформлена в виде грамоты и привезена в Россию. Но прочитать эту грамоту, написанную на китайском языке, иероглифами, никто не мог. Ее перевели только через 57 лет. Выражение *китайская грамота* употребляют, когда речь идет ‘о чем-либо недоступном пониманию’ [15, с.66]. «...Я во всю жизнь мою никогда не писал рецензий, для меня это *китайская грамота*», – замечал А.П. Чехов в письме В.Ф. Комиссаржевской [23, с.27].

Исторического и культурологического комментария требуют также выражения *китайские церемонии* и *китайский болванчик*. *Китайскими церемониями* в русском языке называют утомительные и ненужные условности, излишние проявления вежливости, бессмысленный этикет. Выражение возникло в XIX веке. Его значение сформировалось под влиянием представления о сложном дворцовом этикете в древнем Китае [3, с.613]. Данное выражение употребляется исключительно в шутовском или ироническом ключе. «Между друзьями и близкими, я полагаю, можно обходиться и без *китайских церемоний*», – писал А.П. Чехов брату [22, с.196].

Выражение *китайский болванчик* фиксируется разными толковыми словарями русского языка, начиная со словаря под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Однако значение этого выражения в них указывается не всегда одинаково: ‘уродливая китайская статуэтка’ [19, стлб.167]; ‘статуэтка с непропорционально большой головой’ [16, стлб.548]; ‘фигурка, изображающая сидящего божка’ [12, с.54]. В

современной русской речи выражение *китайский болванчик* чаще всего обозначает фарфоровую статуэтку Будды (или просто пожилого китайца) с качающейся головой. Впервые такие статуэтки в стиле шинуазри (от французского *chinoiserie* – использование мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в европейской культуре) как элемент декора появились во Франции, а затем распространились по всей Европе. *Китайских болванчиков* как модный элемент интерьера производили мануфактуры Германии и Великобритании. В Китае фигурке с качающейся головой придавали важный, почти сакральный смысл. Она олицетворяла смеющегося Будду, который был символом радости и процветания. Такую фигурку ставили в домах, считая, что она приносит удачу, избавляет от болезней. В Европе эти древние смыслы были потеряны. В русском языке у сочетания слов *китайский болванчик* сформировалось и переносное значение – ‘человек, пассивно соглашающийся с остальными’, а также ‘самодовольный, ограниченный человек’ [19, стлб.167]. В повести А.П. Чехова «Дуэль» читаем: «Победители орлами смотрят, а он жалок, робок, забит, кланяется, как *китайский болванчик*, а мне... мне грустно» [24].

Еще одна устойчивая единица для своего объяснения требует обращения к истории. Ироничное выражение *последнее китайское предупреждение* означает угрозу, которая никогда не будет осуществлена [14]. Этимология выражения следующая: «Первое серьезное предупреждение» правительство КНР сделало 7 сентября 1958 г., когда Пекин заявил США протест против конвоирования (охраны) американским военно-морским флотом морских транспортов Тайваня. К середине 1960-х гг. таких «серьезных предупреждений» насчитывалось уже более 400, и они воспринимались всеми только иронически, поскольку реально помешать сотрудничеству США и Тайваня Китай был не в силах» [14]. Советские СМИ сообщали о «китайских предупреждениях» с их порядковыми номерами, что способствовало формированию устойчивого выражения в русском языке. Кроме того, в 1969 году в связи с конфликтом между СССР и Китаем из-за острова Даманский выражение вторично было актуализировано. Российские СМИ

использовали это выражение в 90-е годы, но уже в ином значении – ‘действительно последнее предупреждение, за которым последуют некие санкции’: «Мандат миротворческих сил СНГ в Таджикистане продлен до 30 июня 1996 года, а Душанбе сделано *«последнее китайское предупреждение»*: продление состоялось в последний раз, и за этот срок внутритаджикские проблемы должны быть разрешены» [11]. В современных политических реалиях (обострение отношений между США и Китаем) выражение снова актуализировалось: «Последнее китайское предупреждение» – заголовок статьи, посвященной данной проблеме (журнал «Эксперт», № 29 (1083), 16 июля 2018 г.). Интересный факт: под названием «Последнее китайское предупреждение» в Молодежном театре на Фонтанке (Санкт-Петербург) с 2013 года идет спектакль по пьесе Б. Брехта «Добрый человек из Сычуани».

Следующее устойчивое выражение, которое мы рассмотрим, – *китайская стена*. Его значение – ‘непреодолимая преграда, полная изолированность от внешних влияний’ [15, с.66]. Этимология данного устойчивого сочетания вполне прозрачна: Великая китайская стена – колоссальное сооружение, растянувшееся на 6 тысяч километров, достигающее в отдельных местах ширины 7 метров высоты 10 метров. Она защищала Китайскую империю от набегов кочевников и в какой-то степени способствовала изоляции страны от остального мира. Выражение *китайская стена* в значении ‘непреодолимая преграда’ обладало устойчивостью уже в XIX веке. Например, русский критик Н.А. Добролюбов в статье «Народное дело. Распространение обществ трезвости» писал: «Не менее горькие сетования часто слышатся и о том, что масса простого народа отделена у нас *китайской стеною* от образованных классов общества» [5]. Другой русский критик – Д.И. Писарев – в статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» тоже употребил это выражение: «Ни посторонний человек, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту *китайскую стену*, которою г-жа Ельцова отделила свою Верочку от всего живого мира» [13].

У выражения *китайская стена* есть еще одно значение. Так в СССР стали называть очень длинные жилые здания. Самое известное

из них – это дом, расположенный на улице Римского-Корсакова в Москве. Его протяженность – 1100 м. Свои «китайские стены» есть в Днепропетровске (дом длиной 830 м), Ярославле (длина – 490 м), Могилеве, Ростове, Екатеринбурге, Йошкар-Оле, Перми, Туле, Уфе, Череповце и других городах. Данная культурная реалия отразилась в художественной литературе. Так, Маша Трауб в романе «Нам выходить на следующей» пишет: «Их дом в округе назывался «*Китайская стена*», «Китайка» – потому что был длинный, с аркой посередине» [20].

В толковых словарях русского языка XX века зафиксировано еще одно устойчивое сочетание, в котором отражаются культурные традиции Китая, – *китайские тени* [19, стлб.1361]; [15, с.66]. Его значение – ‘развлечение, состоящее в исполнении сценок при помощи теней, отбрасываемых на транспаранте движущимися фигурками’. Оно связано с такой культурной реалией, как китайский театр теней. Выражение *китайские тени* было переосмыслено русским поэтом Георгием Ивановым: так он назвал свою книгу мемуаров, в которой в форме литературных портретов воплотились его воспоминания о современниках – Блоке, Гумилеве, Мандельштаме и других.

Устойчивым сочетанием слов можно считать и выражение *китайское терпение*. Его значение не зафиксировано пока в словарях, но существует в живой разговорной речи, о чем свидетельствуют многочисленные употребления на сайтах и в интернет-прессе: например, заголовок статьи в интернет-газете – «США отправили эсминец испытывать китайское терпение» [1]. *Китайское терпение* – это терпение, проявленное в максимальной степени. Фразеологизм имеет шутливо-ироническую окраску, его употребляют, когда говорят об очень терпеливых людях. Любовь к поступательности считается национальной чертой китайцев. Китайские пословицы рекомендуют не гнаться за немедленным результатом, двигаться к цели шаг за шагом, жить, сохраняя спокойствие, и ждать, пока цветы распустятся сами. Интересный факт: в 1936 году в советском журнале «Техника – молодежи» был напечатан рассказ А. Бармина «Китайское терпение» [2, с.59–58]. В

нем повествовалось о китайцах, на протяжении многих лет добывающих соль.

Следующее выражение, которое мы рассмотрим, – *китайский разведчик / шпион*. Оно имеет два значения: 1) хитрый, загадочный человек; 2) излишне бдительные отец или мать (в речи подростков) [6, с.174]. В книге Романа Солнцева «Полураспад» читаем: «Сейчас в душу полезет с сочувственной улыбкой... Или возопит: вот он, *китайский шпион!* Бейте его!..» [17].

Семантически связанным с предыдущим является устойчивое сочетание слов «*хитрый, как сто китайцев*» (шутл. / неодобр., разг.), которое используют, когда говорят об ‘очень хитром, изворотливом человеке’ [21, с.257]. В словарной статье указанного источника есть предположение: «Видимо, хитрость приписывается китайцам, как национальная черта» [там же]. Например: «Петрович еще перед кризисом быстренько ликвидировал все свои рублевые запасы – *хитрый, как сто китайцев*» [там же]. Несомненно также, что значение данного фразеологизма связано с существующем в русской разговорной речи переносным значением слова *китаец* – ‘хитрый человек’ [6, с.174].

В русской разговорной речи сравнительная часть фразеологизма *хитрый, как сто китайцев*, может соединяться не только со словом «хитрый», но и с другими лексемами, требующими распространения компонентом со значением интенсивности: «злой, довольный, умный, тупой, голодный, устал, есть хочу и т. п., как сто китайцев (тысяча китайцев)» [9]. Таким образом, устойчивый компаратив как сто китайцев приобретает самостоятельное значение – ‘очень сильно’. Пользователи Интернета отмечают и такое устойчивое сочетание слов: «глаза, как у ста китайцев – лицо после пьянки» [там же]. Интересно, что в русском сленге вид человека с похмелья называется также *утро китайского пчеловода* или *утро в китайской деревне*. Наутро после бурно проведенной ночи и большого количества выпитого спиртного лица людей выглядят опухшими, у них отекающие веки, отчего глаза кажутся узкими, как у китайцев. Компонент *пчеловод* в первом фразеологизме призван усилить образный эффект: можно предположить, что если китайца

покусает за лицо пчелы (для пчеловода вероятность этого особенно велика), то его и без того узкие глаза станут еще уже.

На женских сайтах выражение *утро в китайской деревне* приобретает несколько иное значение, но все равно связано с тем, как выглядит лицо человека: «Я вчера наревелась вечером, сегодня утром встала опухшая вся, просто *«утро в китайской деревне»!* Какие компрессы для век можно сделать?» [31]. На одном из кулинарных сайтов нашелся даже салат «Утро в китайской деревне» [29]. В данном случае в основе значения лежит не метафора (человек с опухшим лицом и ставшими от этого узкими глазами похож на китайца), а метонимия (в салат входят традиционные для китайской кухни ингредиенты: быстрозамороженная китайская смесь; китайская рисовая лапша; соевый соус).

На сайте «Живой русский язык» зафиксировано выражение *вести себя, как китайский пионер / коммунист*. Его значение трактуется и объясняется следующим образом: ‘создавать трудности самому себе, а потом мужественно их преодолевать’. В Китае такое поведение вызывает уважение. Показателен в этом плане пример героя Китайской Красной армии Лэй Фэна (1940–1962), который «по ночам стирал носки своих сослуживцев. По официальной легенде, он считал, что кто-то должен это делать ради блага других солдат, ради армии, ради будущих побед» [8]. В современном восприятии мира русскими людьми такое поведение представляется абсурдным, поэтому устойчивый компаратив *вести себя, как китайский пионер / коммунист* употребляется исключительно в иронических контекстах.

В русском молодежном сленге присутствует еще одно устойчивое сочетание слов – *дядюшка / дядя Ляо*. Оно означает безымянного производителя техники, когда речь идет о китайском некачественном товаре или о примитивном производстве. Например: «Я пришел к выводу, что, скорее всего, это была поделка *дяди Ляо*» [27], «Собираются нелегально, обычно в каком-нибудь подвале *дяди Ляо...*» [30], «Если флэха от *«дядюшки Ляо»*, собранная в сарае на коленке, то возможно такая скорость и будет» [26], «Очень даже китайский оригинал, собранный *дядюшкой Ляо* на коленке в сарае» [28].

Интересный факт: в 2009 году вышла в свет книга известного этнографа и писателя Льва Минца, которая называется «Котелок дядюшки Ляо, или Занимательная этнография». В ней рассказывается о традициях и обычаях разных народов.

Помимо устойчивых сочетаний слов можно рассмотреть отдельные лексические единицы, отражающие представления русских людей о Китае и китайцах. В «Толковом словаре русского сленга» В.С. Елистратова зафиксировано следующее переносное значение у слова *китайский*: ‘странный, непривычный; сложный, запутанный, мудреный’ [6, с.174]: «Карта какая-то *китайская*» [там же]. Действительно, китайская культура ассоциируется у европейцев с чем-то сложным, непонятным, странным.

В российских СМИ в качестве синонима Китая часто используется слово *Поднебесная*. Изначально этот термин означал территорию, на которую распространялась власть китайского императора. Император мыслился как посланник неба, посредник между небом и человеком. Место, где находился он сам и его двор, представлялось, как центр мира, а все остальные территории, как его владения. В настоящее время Поднебесной в Китае именуют весь мир, но в России так называют именно Китай. В статье «Слова *поднебесье* и *поднебесная* в современных российских СМИ» Чжао Сюцин отмечает, что во второй половине XX века в средствах массовой информации имя собственное «Поднебесная» стало употребляться как наименование Китая [18, с. 127–133]. О том, что данные слова в современном русском языке используются как синонимы, свидетельствует, например, и название книги известного российского китаиста, путешественника и писателя Алексея Винокурова – «Весь Китай. Загадки и тайны Поднебесной» (издана в 2017 г.).

Постоянно пополняется в русском языке ряд омонимов слова «китайка». В «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д.Н. Ушакова (1935 г.) с пометой *истор.* фиксируется всего лишь одно значение у этого слова – ‘сорт гладкой хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая’ [19, стлб.1361]. Русский путешественник XIX века В.М. Головин писал: «Товары, привозимые китайцами, суть: чай, фарфоровая и глиняная посуда,

шелковые материи, шелк, *китайка...*» [4]. Данный сорт ткани был настолько популярен в России, что его название вошло в народные колыбельные песни: «Байки-побайки, матери – *китайки*, А дедушке поясок, Он повесил на крючок» [10]. Во второй половине XX века в русском языке появляется его омоним *китайка* с двумя значениями – ‘морозоустойчивый сорт яблони’ и ‘мелкие плоды этой яблони’ [15, с.66]. Например, В. Каверин в повести «Перед зеркалом» пишет: «В отгороженной части двора был маленький сад – две анисовки, пудовка и *китайка*, куст крыжовника и строчка малины» [7]. Сегодня словари русского языка, в которых фиксируются единицы разговорной речи, просторечия, сленга и арго, отмечают еще один омоним: *китайка* – ‘постельное белье, которое, будучи уже использовано одним пассажиром, выдается проводником поезда другим пассажирам без стирки’ [6, с.174]. С этим омонимом связано значение устойчивого выражения *скинуть (или задвинуть, загнать и т. п.) китайку кому-либо* ‘выдать пассажиру поезда нестираное белье’. «Возможно, по сходству цвета кожи китайцев и нестираного белья (желтого); из речи проводников», – читаем в «Толковом словаре русского сленга» [6, с.174]. Ср. там же: *получить белье из китайской прачечной* – ‘получить нестиранное белье (обычно в поезде)’ [6, с.308].

Образ Китая и китайцев отразился в русском детском фольклоре. В словарях зафиксирована дразнилка *Ехали китайцы, потеряли яйца / яйца* с комментарием: «в адрес невнимательных, рассеянных людей; иногда в адрес китайцев» [21, с.257]; [6, с.122]. Видимо, потерянные *яйца* возникли в этой дразнилке ради рифмы, так же как в считалке «Опа, опа, опа, Америка, Европа, Индия, Китай, А ну-ка вылетай», где *Китай* без какого-либо подтекста зарифмован с глаголом «вылетай».

Существует скороговорка, в которой шутливому обыгрыванию подвергается китайская система именованья людей, кардинально отличающаяся от европейской: «Жили-были три китайца: Як, Як-Ци-Драк, Як-Ци-Драк-Ци-Дрони. Жили-были три китайки: Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Лимпомпони. Вот они переженились: Як на Цыпе, Як-Ци-Драк на Цыпе-Дрипе, Як-Ци-Драк-Ци-Дрони на Цыпе-Дрипе-Лимпомпони. И у них родились дети: У Яка с Цыпой – Шах, У

Як-Ци-Драка с Цыпой-Дрипой – Шах-Шахмони, У Як-Ци-Драк-Ци-Дрони с Цыпой-Дрипой-Лимпомпони – Шах-Шахмони-Лимпомпони». В вариантах этой скороговорки вместо китайцев могут фигурировать японцы или цыплята. Возможно, вариант с цыплятами появился раньше остальных, поскольку имена китайенок начинаются со слова «Цыпа».

Таким образом, китайцы в русской языковой картине мира представлены, с одной стороны, как нация загадочная, сложная, у которой многое проявляется в максимальной степени, а элемент «китайский» в составе фразеологизмов нередко имеет сему – «очень», «слишком». Подобные представления о Китае и китайцах традиционны для русского сознания, и единицы языка, в которых они отражены, имеют давнюю историю. С другой стороны, в современном русском языке появляются языковые единицы, в которых всё китайское является синонимом чего-либо, некачественно подготовленного к использованию. Эти единицы относительно новые, они начали фиксироваться с 90-х годов XX века, когда в Россию хлынули дешевые некачественные китайские товары.

Библиографический список

1. Балтачева М., Мошкин М. США отправили эсминец испытать китайское терпение // Деловая газета «Взгляд». URL: <http://www.vz.ru/world/2015/10/27/774575.html> (дата обращения: 21.01.2019).
2. Бармин А. Китайское терпение // Техника – молодежи. – № 10. – 1936. – С. 58–59.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской этимологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.
4. Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным. – М.: «Мысль», 1965. – 384 с.
5. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в трех томах. Т.2. Статьи и рецензии 1859. – М.: Художественная литература, 1987. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0740.shtml (дата обращения: 6.07.2018).

6. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
7. Каверин В. Пурпурный палимпсест. – М.: «Аграф», 1997. – 576 с.
8. Как китайский пионер (как китайский коммунист) // Живой русский язык (сайт). URL: <http://arwine.ru/trust/kak-kitayskiy-pioner> (дата обращения: 21.01.2019).
9. Как сто китайцев // Живой русский язык (сайт). URL: <http://arwine.ru/trust/kak-sto-kitaycev> (дата обращения: 21.01.2019).
10. Колыбельные семиреченских казаков. URL: <http://aresni.org/kazaki/semirek/kolybel.htm> (дата обращения 21.01.2019).
11. Куцылло В. Саммит глав государств СНГ // «Коммерсантъ-Daily». – № 5 (963). – 20.01.1996.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2003. – 944 с.
13. Писарев Д.И. Сочинения в четырех томах. Т.1. Статьи и рецензии 1859–1862. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0080.shtml (дата обращения: 11.07.2018).
14. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: «Локид-Пресс», 2004. – 880 с.
15. Словарь русского языка. Академия наук СССР. Институт русского языка. В 4 тт. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – Т.2.
16. Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. – М.-Л.: 1950 – 1965. – Т.1.
17. Солнцев Р. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // 2002. – Октябрь. – № 5–6.
18. Сюцин Чжао Слова поднебесье и поднебесная в современных российских СМИ // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2010. – №2. – С. 127 – 133.
19. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н.Ушакова. В 4 тт. – М.:ОГИЗ, 1935. – Т.1.
20. Трауб М. Нам выходить на следующей. – М.: АСТ-Астрель, 2007. – 256 с.
21. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
22. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. – М.: Наука, 1974–1983. – Т.2.
23. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. – М.: Наука, 1974–1983. – Т.8.

24. Чехов А.П. Дуэль. – М.: Художественная литература, 1968. URL: <http://lib.ru/LITRA/СНЕHOW/duel.txt> (дата обращения: 13.07.2018).
25. Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 14–21.
26. DGR.SU (сайт). URL:<http://www.dgr.su/t22291-534.html> (дата обращения: 21.01.2019).
27. Drive2.ru (сайт). URL:<https://www.drive2.ru/l/6432795/> (дата обращения: 21.01.2019).
28. Drom.ru (сайт) URL:<https://forums.drom.ru/toyota-caldina-carina-corona-premio-allion-avensis/t1151428750.html> (дата обращения: 21.01.2019).
29. Koolinar.ru (сайт). URL: <http://www.koolinar.ru/recipe/view/109875> (дата обращения: 21.01.2019).
30. Lurkmore.to (сайт). URL: http://lurkmore.to/Made_in_China (дата обращения: 21.01.2019).
31. Woman.ru (сайт). URL: <http://www.woman.ru/beauty/medley2/thread/4078618/> (дата обращения: 21.01.2019).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Балмагамбетова Жаннат Толеуовна
Доктор филологических наук,
профессор
Карагандинский государственный
университет им. Е.А.Букетова
Казахстан, г. Караганда
e-mail: janna1965@rambler.ru

Balmagambetova Zhannat Toleuovna
Doctor of philology, Professor
E.A. Buketov Karaganda State
University
Kazakhstan, Karaganda
e-mail: janna1965@rambler.ru

Тажбекова Жадра Нажмиденовна
магистрант
Карагандинский государственный
университет им. Е.А.Букетова
Казахстан, г. Караганда
e-mail: Zhadyra_190390@mail.ru

Tazhbeкова Zhadra Nazhmidenovna
Research Assistant
E.A. Buketov Karaganda State
University
Kazakhstan, Karaganda
e-mail: Zhadyra_190390@mail.ru

Ж.Т. Балмагамбетова, Ж.Н. Тажбекова

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИНФИНИТИВНЫХ ОБОРОТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: Статья посвящена анализу межъязыковых трансформаций при переводе инфинитивных оборотов с английского языка. Обращается внимание на особенности передачи при переводе функционального подобия переводного текста оригиналу в целях достижения эквивалентности текстов.

Ключевые слова: перевод, эквивалент, трансформации, межъязыковые трансформации

Zh.T. Balmagambetova, Zh.N. Tazhbeкова

INTERLINGUAL TRANSFORMATIONS AT TRANSLATION OF INFINITIVE CLAUSES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract: Interlingual translation is often forgotten by the linguistics of language systems, which occasionally make translation seem impossible. It has also been sidelined by many communicative approaches to language teaching, where translation is sometimes regarded as a non-communicative intrusion into monolingual space. And yet translations are performed and used in countless different ways, and translation is one of the things people actually do with the languages they learn. If some kinds of linguistics, both theoretical and applied, have failed to pay due attention to translation, the various points of contact and divergence are worth revisiting. This chapter offers at interlingual

transformations at translation of infinitive turns, and translation, focusing on some reasons why translation is worth serious attention as an object of study.

Keywords: translation, interpreting, equivalence, transformation, interlingual transformations

Сложный и творческий характер переводческой деятельности требует, чтобы переводчик имел ясное представление о сущности переводческой эквивалентности, о факторах, обуславливающих различные формы эквивалентности текстов на ИЯ и ПЯ. Необходимо, чтобы переводчик знал, в каких соотношениях могут находиться значения и структуры единиц ИЯ и ПЯ и как это отражается на процессе перевода, каковы типичные переводческие трансформации и другие приемы, и чем они мотивированы.

Межъязыковые преобразования в целях достижения эквивалентности текстов оригинала и перевода (т.е. сохранения функционального воздействия сообщения) называют *переводческими трансформациями*.

Под **грамматическими трансформациями** понимают вид переводческих преобразований, заключающихся в замене в процессе перевода грамматических форм и структур единиц исходного языка (ИЯ) формально неэквивалентными формами и структурами языка перевода (ПЯ) при сохранении смыслового соответствия между ними.

Основные типы грамматических трансформаций включают: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены.

Основным способом при переводе высказываний, содержащих инфинитивные комплексы, с английского на русский язык обычно является прием членения.

Членение предложения - это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры *ПЯ*. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения *ИЯ* в сложное предложение *ПЯ*, либо к преобразованию простого или сложного предложения *ИЯ* в два или более самостоятельных предложения в *ПЯ*:

1) I am anxious for her to pass the exam. (The for-to-infinitive Construction)

Я беспокоюсь о том, как она сдаст экзамен.

2) I saw her leave the house. ("Complex Object")

Я видела, как она вышла из дома.

В 1-м и 2-м случаях простое предложение в английском языке было преобразовано в сложноподчиненное предложение в русском языке.

3) She seems to know the truth. ("Complex Subject")

Кажется, она знает правду.

В 3-м случае простое предложение в английском языке было преобразовано в неопределенно-личное предложение в русском языке.

Под лексической трансформацией понимается вид переводческих преобразований, начальным или/и конечным элементом которого является лексическая единица.

Лексико-семантическая замена - способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Добавление. Этот прием связан с тем, что английским предложениям свойственна компрессия. То, что ясно носителю английского языка требует добавления в русском варианте, чтобы не выйти за рамки нормы русского языка:

I saw a face watching me out of the window. ("Complex Object")

Я увидел лицо человека, наблюдавшего за мной из окна.

В вышеприведенном примере читателю ясно, что наблюдать может человек, а не лицо. Поэтому при переводе пришлось сделать *добавление*.

Опущение используется в случае избыточности информации, которая представляет собой нарушение норм русского языка. Опущение может быть оправдано только нормами грамматики. Для английского языка характерно употребление парных синонимов. Один, как правило, опускается:

The treaty was pronounced *null and void*.

Договор был признан *недействительным*.

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением.

I heard Sam put Sarah on the phone. ("Complex Object")

Я слышала, как Сэм позвал Сару к телефону.

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации.

He is known to visit her practically every week-end. ("Complex Subject") Известно, что он ездит к ней почти каждую неделю.

Использование слова с более общим значением избавляет переводчика от необходимости уточнять, субботу или воскресенье имеет в виду автор, говоря о «уик-энде».

Антонимичный перевод - это лексико - грамматическая трансформация, при которой происходит замена двух отрицательных форм в оригинале на одну утвердительную в переводе с тем же значением и наоборот.

Every day he turns out to remember to bring her flowers. ("Complex Subject")

Оказывается, каждый день он не забывает приносить ей цветы.

Иногда антонимичный перевод является единственно возможным средством для достижения адекватного перевода:

The last thing I want you to do is to spoil our relationships. ("Complex Object") Мне бы очень не хотелось, чтобы ты испортил наши отношения.

The USA is considered not to enter the war until April ("Complex Subject") Считается, что Соединенные Штаты вступили в войну только в апреле 1917г.

Далеко не всегда перевод английского предложения заключается в *дословной* передаче значения каждого слова. При переводе инфинитивных оборотов с английского на русский язык приходится менять структуру предложения ввиду отсутствия соответствующего грамматического явления в русском языке.

Для адекватного перевода английского текста переводчик не может не учитывать грамматического значения форм английского предложения. Неверная передача значения английских

грамматических форм и конструкций приводит к искажению смысла оригинала. В практике перевода необходимо учитывать значение лексики. Иными словами, переводчик всегда имеет дело с *лексико-грамматическими* соответствиями.

Библиографический список

1. Биктемирова Э.И. Основные положения теории перевода: Учебное пособие Казань: ТГГПУ,
2. Латышев Л. К. Межъязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. М.,
3. Слепович В.С. Курс перевода (английский и русский язык) 4-е изд., перераб. и доп.-мн.: «ТетраСистемс»
4. Читалина Н. А. Учитесь переводить (Лексические проблемы перевода). Москва: 1976.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бахыт Кусаиновна Аязбаева
кандидат филологических наук,
доцент
Карагандинский государственный
университет им. академика Е.А.
Букетова
Казахстан, г. Караганда
e-mail: bahit0108@mail.ru

Bahyt Kusainovna Ayazbaeva
Ass. prof.,
PhD
Karaganda State University
Kazakhstan, Karaganda
e-mail: bahit0108@mail.ru

Дарья Юрьевна Чарная
магистрант
Карагандинский государственный
университет им. академика Е.А.
Букетова
Казахстан, г. Караганда
e-mail: dashke92@mail.ru

Darya Yurievna Charnaya
master student
Karaganda State University.
Academician E.A.Buketova
Kazakhstan, Karaganda
e-mail: dashke92@mail.ru

Б.К. Аязбаева, Д.Ю. Чарная

РАБОТА ПО ОБНОВЛЕННОМУ УЧЕБНИКУ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с обучением русскому языку и литературе в контексте обновленного содержания образования в Республике Казахстан. Авторы считают главными в обучении языку творческую личность учителя, знание содержания школьного учебника, самостоятельные навыки и умения учащихся в получении знаний, а также умение анализировать и оценивать полученное знание на уроке. Учебник, имеющий предметно-логическую последовательность, рассматривается как основное средство обучения и считается направляющим ориентиром в получении знаний в силу базовой достаточности научной информации и доступности изложения учебного материала.

Ключевые слова: реформы образования, школьный учебник, результаты обучения, личность учителя, самостоятельные навыки и умения.

B.K. Ayazbaeva, D.U. Charnaya

WORK ON UPDATED TEXTBOOK ON THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE LESSONS

Abstract: The article discusses issues related to teaching Russian language and literature in the context of the updated content of education in the Republic of Kazakhstan. The authors consider the creative personality of the teacher, knowledge of the contents of the school textbook, students' independent skills and abilities in gaining knowledge, as well as the ability to analyze and evaluate the knowledge gained in the classroom, to be key to learning the language. The textbook, which has a subject-logical sequence, is considered as the main teaching tool and is considered a guiding guide in gaining knowledge due to the basic sufficiency of scientific information and the availability of teaching materials.

Keywords: educational reforms, school textbook, learning outcomes, teacher identity, independent skills and abilities.

В настоящее время среднее образование в Республике Казахстан развивается согласно программной цели развития образования: «Формирование в общеобразовательных школах интеллектуального, физически и духовно развитого гражданина Республики Казахстан, удовлетворение его потребности в получении образования, обеспечивающего успех в быстро меняющемся мире [1, с. 2]. Следовательно, смена целей образования от «человека, знающего» – к «человеку, способному творчески мыслить, действовать, саморазвиваться» требует от современного учителя творческого отношения к работе. Считаем, что творчество учителя начинается со знания содержания учебника как основного средства обучения школьника.

Обновление содержания образования – это, прежде всего, пересмотр самой модели среднего образования, его структуры, содержания, подходов и методов обучения и воспитания, внедрение принципиально новой системы оценивания достижения учащихся. В этом контексте программа обучения, краткосрочное, среднесрочное и долгосрочное планирование, самостоятельная работа школьника связаны именно с учебником.

Логика изменений, происходящих в современном обществе, выдвигает на первый план требование готовить подрастающее поколение не только к успешному усвоению и воспроизводству унаследованных ценностей и навыков, но, главное, к самостоятельной творческой активности, постановке и решению новых задач. В связи с этим перед школой возникает важная задача,

значимость которой заключается в правильной организации учебной деятельности, в частности, работы с учебником.

Большой вклад в комплексную разработку проблем, связанных с применением учебника на уроке, внесли следующие ученые и исследователи: М.Т. Баранов, Т.А. Костяева, Т.А. Ладыженская, Н.А. Ипполитова, М.И. Лукьянова, В.И. Страхов, Н.В. Калинина, У.А. Жанпейс и многие другие. В круг наиболее общих вопросов по исследуемой проблеме входят: система формирования учебных действий на основе учебника, повышение ответственности за качество обучения, развитие самостоятельности учащихся, формирование речевых умений, орфографической зоркости и другие узконаправленные вопросы. Следует отметить, что в контексте обновленного содержания образования вопрос о применении учебника как источника знания является одним из важнейших, так как требует изучения весь обновленный материал учебника и, следовательно, методы и приемы его применения на конкретном уроке и в конкретном классе.

В зарубежной и казахстанской научной литературе существуют разнообразные определения учебника как основного средства обучения, акцентирующие внимание на различных аспектах личностных образований. Так, методисты, рассматривая вопросы, связанные с учебником, исходят из положения о том, что учебник принадлежит к категории специально, с определённой целью созданных средств обучения [2, с. 324]. И вопрос о том, как, в какой мере это средство сможет выполнить своё назначение в достижении максимальных результатов учебного процесса, является решающим при создании каждого учебника [3]. Считаем, что вопросы, связанные с формированием навыков работы с учебником, будут актуальны постоянно, так как они имеют интегральный характер, тесно связаны с психологией, педагогикой и другими смежными науками.

Актуальность работы основана, прежде всего, на изменении формата учебника для школ с нерусским языком обучения, включающего в настоящее время два предмета, которые раньше являлись самостоятельными: русский язык и литература. А также на важности разработки методов, развивающих у школьников привычку

систематически работать самостоятельно на основе учебника, постоянно проверять свои знания и умения, полагаясь на себя, а не на учителя. В условиях обновленного содержания образования считаем работу на основе учебника направляющим ориентиром в получении знаний, связующим звеном в цепи «ученик – учитель – родитель». Кроме того, следует учесть тот факт, что в настоящее время наполняемость городских школ, и традиционных, и лицейских классов пока превышает установленные нормы. Бесспорно, что в этих условиях качество образования во многом зависит от организованности и самообразования ученика, от его умения работать с учебником как основным средством обучения.

Безусловно, для подготовки студентов к педагогической практике считается необходимым рассмотреть вопрос об интерпретации методических приемов и методов, заложенных по обновленному содержанию образования в учебниках. В нашем случае это учебник 5 класса. Возможно, более подробно следует остановиться на следующих вопросах: описание приемов и методов формирования навыков работы с учебником, основанных на дидактическом материале учебника русского языка и литературы 5 класса для школ с нерусским языком обучения, определение алгоритма действий ученика и учителя при коллективной и самостоятельной работе с книгой. При этом следует помнить, что в соответствии с Государственной программой развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 2016 года № 205, 12-летнее образование будет базироваться на ожидаемых результатах, которые позволят оценивать работу учащихся. Формулировка ожидаемых результатов позволит объективно оценить учебные достижения учащихся, определить траекторию развития каждого школьника с учетом его индивидуальных способностей, а также повысит их мотивацию на развитие умений и навыков в обучении, улучшит качество образовательного процесса [4, с. 30]. Это относится и к содержанию описываемого учебника.

Известно, что сегодня образование вступило в стадию фундаментальных реформ, основу которых составляет принципиально новое мышление. В изученных документах

отмечается, что всемирный экономический форум обозначил 16 видов знаний и умений человека, успешного в XXI веке. В 2015 году Комитет по образовательной политике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) начал реализацию нового проекта «Будущее образования и навыков: Образование-2030». ОЭСР исходит из того, что мир все больше сталкивается с ранее неизвестными глобальными вызовами, становится все более непредсказуемым и уязвимым. Современный человек за 1 месяц получает и обрабатывает столько же информации, сколько человек XVII века за всю жизнь. Информация в мире удваивается каждые два года, что делает невозможным и бесполезным простое ее заучивание. Для того чтобы подготовить школьника для жизни в таких условиях, уже недостаточно академических знаний, функциональных навыков, личностных компетенций и отношений. Необходимы абсолютно новые качества – метапознания, метакомпетенции [5, с. 3].

Следовательно, содержание образования на уровне учебного материала раскрывается в учебной литературе, к которой относятся учебники, учебные пособия, хрестоматии, сборники задач и упражнений, атласы. Прежде всего, необходимо различать такие виды учебной литературы, как учебник и учебное пособие. В работах исследователей УЧЕБНИК определяется как:

1. «Учебник является для ученика одним из источников получения им знаний и навыков по русскому языку, занимает видное место и в процессе обучения, и в процессе усвоения учеником программного материала, в его классной и домашней работе» [6, с. 85].

2. «Основное средство обучения, является руководством в работе обучающегося и обучаемых, содержит образцы устной и письменной речи, языковой материал, отобранный и организованный с учетом его функциональной нагрузки в разных формах общения. Учебник реализует концепцию метода обучения, являясь его моделью, создается в соответствии с программой и содержит материал, подлежащий усвоению» [2, с. 324].

При этом развивающе-воспитательная функция школьного учебника, всегда играя ведущую роль, в современных условиях приобретает особую значимость. В ней наиболее полно и ярко

проявляется специфика нового учебника. Основные функции учебника отличаются соподчинением и взаимосвязью, учебник строится на основе общедидактических принципов обучения, содержит самые необходимые теоретические сведения, которые помогут учащимся осознать изучаемое явление, и хорошо продуманные задания (упражнения), представляющие, на наш взгляд, стройную систему.

Как отмечают учителя русского языка, нередко, в соответствии с целью урока и особенностью изучаемой темы, работа по учебнику проводится в форме выборочного чтения отдельных мест с целью самостоятельного усвоения вопросов описательного характера. В таком случае изложение материала учителем чередуется с работой учащихся над учебником. Со своей стороны, отмечаем, что работа по учебнику активно используется и при закреплении нового материала, и повторении, и обобщении пройденного материала. При этом следует признать, что работа с опорой на учебник должна быть дозированной, продуманной и соответствовать уровню знаний как класса, так и индивидуальному знанию каждого ученика. На наш взгляд, это будет способствовать выработке навыков и умений детальной рефлексии.

Для иллюстрации описанной системы заданий и текстовых упражнений, позволяющих развивать все виды речевой деятельности школьников, нами разработаны краткосрочные планы 20 уроков русского языка и литературы для учащихся 5 класса казахской школы. Считаем, что при правильной организации работы с учебником вырабатываются навыки и умения работы с учебной литературой в целом. Они в дальнейшем помогут самостоятельно на основе книги готовиться к экзаменам, системно получать знания, а не ориентацию решать тесты. Считаем, что широкому использованию и методическому совершенствованию работы с учебником в процессе учебных занятий следует уделять особое внимание, так как знания именно в книге и именно школьный учебник организует и направляет образование школьника. Работа с учебником требует от учителя хорошего знания и практического владения разнообразными приемами ее организации. Только учебник, в сочетании с разнообразными методами и приемами обучения может дать систему

знаний. Однако учебная книга не в состоянии обеспечить хорошие знания автоматически – необходима систематическая работа на основе учебника. На наш взгляд, организация работы учащегося на основе учебника будет только тогда успешной, когда учитель будет стремиться вызвать в учениках глубокий и постоянный интерес к языку. Сформированные на основе учебника навыки и умения работы помогут ученикам в старших классах быть эрудированными, открытыми и готовыми для глубоких всесторонних знаний.

Основываясь на проведенных уроках в школе во время педагогической практики, можно отметить, что учебник дисциплинирует учеников, направляет деятельность класса, служит ориентиром и для учителя, и для ученика. Учебник настраивает ученика на работу, в течение всего урока наблюдается побуждение к самостоятельному усвоению знаний, целенаправленно проводится работа в плане развития самоконтроля учащихся. На всех этапах урока создается ситуация успеха, у учащихся формируется ответственность за свою деятельность. Для иллюстрации предлагается разработанный урок русского языка и литературе в 5 классе по теме: «Как стать сильным». Это тема по 2 части учебника, 4 раздел, урок №2, проведенный в четвертой четверти под руководством школьного учителя русского языка и консультации научного руководителя. Наблюдения за ходом урока свидетельствуют о том, что учащиеся успешно прогнозируют содержание урока на основе иллюстраций и эпиграфа; составляют кластер; переводят ключевые слова урока с родного языка на русский и английский языки; восстанавливают предложения и диалог. На уроке используются все виды речевой деятельности: слушание, говорение, чтение, письмо. По проведенному уроку вместе с учителем был составлен самоанализ.

Так, в 5 «Ә» классе 16 человек. Мальчиков – 7, девочек – 9. Есть ребята с высокой мотивацией, умеют и любят учиться, но есть и слабые ученики, с которыми приходится много и упорно работать, чтобы добиться определенного результата. Дети учатся вместе с первого класса. Конечно, это положительно сказывается на сплочённости классного коллектива. Ребята уважительно относятся друг к другу, любят и умеют работать как коллективно, так и в

маленьких группах. В процессе урока были достигнуты поставленные цели по изучению содержания текста и обогащения словарного запаса по речевой теме. При этом присутствовавшие на уроке 14 учащихся из 16 смогли:

- прогнозировать содержание текста, определяя нужную информацию;
- участвовать в диалогах по теме урока, соблюдая языковые нормы;
- составить план по опорным словам, пересказать текст;
- правильно составить «Кластер», «Синквейн»;
- обобщить, оценить события, высказать свою точку зрения.

Семь учеников смогли: раскрыть свои личностные способности: интеллектуальные, творческие; логически правильно обосновать проблему, выстроить свои умозаключения, используя полученные знания на уроках физической культуры, казахского языка, английского языка. Таким образом, приёмы на основе рефлексии способствуют развитию мыслительных операций: обобщение изученного, анализ и оценивание учебной деятельности на уроке. При этом детям раздавались карточки, с помощью которых они оценили урок в целом.

На уроке были использованы следующие методы, которые способствуют получению школьниками прочных знаний, умению переносить эти знания в новые ситуации, а также обеспечивают связь с жизненным опытом учащихся, создают условия для активной мыслительной деятельности:

- репродуктивный – формирование умений и навыков через систему упражнений;
- стимулирование интереса к обучению – создание эмоциональных ситуаций;
- словесный, частично-поисковый, проблемный метод организации учебно-познавательной деятельности.

Несомненно, высокая работоспособность обучающихся поддерживалась благодаря разнообразию видов деятельности, доброжелательной обстановке, эмоциональному настрою и, возможно, творчески настроенной личности начинающего учителя.

Дети работали увлечённо, с интересом, давали полные ответы. В итоге основные поставленные задачи урока были решены.

Таким образом, анализируя составляющие работы с учебником в 5 классе, приходим к выводу о том, что полноценная и интересная работа пятиклассника по организации работы на основе учебника является результатом взаимодействия многих факторов. В том числе личности учителя, правильно подобранного комплекса упражнений для организации каждого этапа работы с учебником непосредственно на уроке русского языка и литературы в казахской школе (а это заслуга авторов учебника) и общение во внеурочное время в целом. При этом овладение новыми знаниями осуществляется самостоятельно каждым учеником путем вдумчивого изучения материала по учебнику и осмысления содержащихся в нем фактов, примеров и вытекающих из них теоретических обобщений (правил, выводов). Вследствие этого, одновременно с усвоением знаний, учащиеся приобретают умение работать с книгой. Это в настоящее время является актуальным, так как ученик должен привыкать обучаться самостоятельно.

Практика показала, что работа по формированию умений и навыков на основе учебника должна проводиться систематически, на каждом занятии, при выполнении учеником домашней работы, при самостоятельном выполнении упражнений того или иного характера. При этом существенной особенностью современного этапа обучения в школе является развитие у учащихся навыков применения знаний, степень усвоения учебного материала, умения самостоятельно находить допущенные ошибки, неточности, намечать способы устранения обнаруживаемых пробелов. Организация такой деятельности формирует у учащихся умение ставить перед собой учебные цели, планировать учебную деятельность, выбирать соответствующие учебные действия для ее реализации, осуществлять контроль по ходу выполняемой работы и умение оценивать полученные результаты.

Библиографический список

1. Государственные образовательные стандарты // Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011-2020

- годы // Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 07.12.2010 года № 1118. – Астана, 2010. – 52 с.
2. Глухов Б.А., Щукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. – Москва: Русский язык., 1993. – 371 с.
 3. Жанпейс У.А. Русский язык и литература: Учебник для 5 кл. общеобразоват. шк. с казахским языком обучения. В 2-х частях. / У.А. Жанпейс, Н.А. Озекбаева. – Алматы: Атамұра, 2017. Часть 1. – 160 с. Часть 2. – 144 с.
 4. Об утверждении Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 годы // Указ Президента Республики Казахстан от 01.03.2016 года № 205. – Астана, 2016. – 46 с.
 5. Об особенностях организации образовательного процесса в общеобразовательных школах Республики Казахстан в 2017-2018 учебном году: Инструктивно-методическое письмо. – Астана: Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, 2017. – 370 с.
 6. Текучев А.В. Методика преподавания русского языка в средней школе. – Москва: Просвещение, 1980. – 414 с.

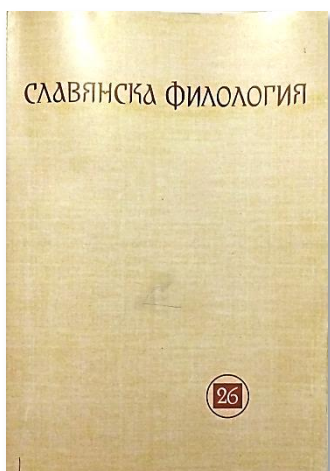
РЕЦЕНЗИИ

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskа Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**СЛАВЯНСКА ФИЛОЛОГИЯ. ТОМ 26. ДОКЛАДИ ЗА XVI
МЕЖДУНАРОДЕН КОНГРЕС НА СЛАВИСТИТЕ. БЕЛГРАД,
СЪРБИЯ, 20 – 27 АВГУСТ 2018. – СОФИЯ: ИЗДАТЕЛСТВО НА
БАН «ПРОФ. МАРИН ДРИНОВ» – 240 С.**

Анотация. Обзор представляет читателю сборник докладов XVI Международного конгресса славистов, который состоялся в Белграде, Сербии 20 – 27 августа 2018 г.

Ключевые слова: славянские языки, глобализация, славянский мир, компаративистика, перевод

D.S. Lesnevskа

**SLAVIC PHILOLOGY. VOLUME 26.
REPORTS OF THE XVI
INTERNATIONAL CONGRESS OF
SLAVISTS. BELGRADE, SERBIA, 20 –
27 AUGUST 2018. – SOFIA:
PUBLISHING HOUSE OF BAS
"PROFESSOR. MARIN DRINOV" – 240 P.**

Abstract. The review presents to the reader a collection of articles of the XVI international Congress of Slavists, which took place on August 20-27, 2018, in Belgrad.

Keywords: Slavic languages, globalization, Slavic world, comparative studies, translation

Настоящий сборник содержит доклады, представленные на XVI Международном конгрессе славистов, который состоялся в

Белграде, Сербии, 20 – 27 августа 2018 г. Составители сборника – Болгарская академия наук (БАН) и Болгарский национальный комитет славистов. Сборник был издан с финансовой поддержкой БАН. Активное участие при составлении сборника принимал Институт болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина при БАН (ИБЕ – БАН). Рецензентами сборника являются **Валентин Гешев** и **Светлина Николова**, ответственный редактор – **Маргарита Младенова**. Сборник состоит из 22 статей, в которых рассмотрен широкий спектр вопросов языковедческой и литературоведческой славистики.

Сборник открывается статьей **Владимира Пенчева**, Институт этнологии и фольклористики с этнографическим музеем (ИЕФЕМ – БАН) *«Организационни модели на съхраняване на културното наследство сред българските общности в чужда етнична среда»*. Автор определяет понятие *культурное наследство*, комментируя политику ЮНЕСКО и Совета Европы. Рассматривается специфика мигрантских институций за рубежом, проанализированы болгарские государственные институции за рубежом, исследуется роль институций мигрантов по отношению культурного наследия. Далее размещена статья **Запряна Козлуджова**, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, *«Компаративизмът в литературоведската интерпретация – проблеми и перспективи»*, в которой в хронологическом плане рассматриваются проблемы сравнительного литературоведения. Комментируется эстетика Бахтина – идея «внезаходимости», которая модифицирована теорией Цв. Тодорова посредством понятия экзотопии. Исследуются компаративные принципы интерпретации зарубежной национальной литературы.

Три статьи посвящены словообразовательным процессам в славянских языках. Статья **Василки Радевой**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, посвящена деривационным процессам в славянских языках в свете языковой экономии. Исследуются разные проявления языковой экономии в славянских языках. В своей статье **Юлия Балтова**, ИБЕ – БАН, рассматривает активные словообразовательные процессы в современных славянских языках и типологические тенденции к

анализируем и синтетизму. Анализируются новые явления в славянском словообразовании. Статья **Цветанки Аврамовой**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, посвящена деинтуитивности и экспрессивности в словообразовании болгарского языка в сопоставительном плане с другими славянскими языками.

Две статьи посвящены особенностям болгарского глагола в сопоставительном плане с глаголами славянских языков. Статья **Ивана Куцарова** (1942 – 2019), Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, на тему *«Екзотичните значения на българския глагол на фона на спрежението в останалите славянски езици»* анализирует девятичленную темпоральную систему болгарского глагола, в рамках которой выделяются три самостоятельные морфологические категории – время, вид действия и таксис. В своей статье **Вера Маровска** и **Светла Рускова-Джерманович**, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, рассматривают развитие и современные функции аориста в болгарском и в сербском языках в сопоставительном плане.

Объектом исследования **Красимиры Чакаровой**, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, являются грамматические средства выражения запрета в славянских языках. В своей статье она анализирует различные способы выражения запрета в славянских языках, ссылаясь на различие и своеобразие языкового сознания в славянских языках.

Лексической семантике и ее прагматическим взаимодействиям посвящена статья **Маргариты Младеновой**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского. Исследуется посессивное и экзистенциальное семантическое поле в трех языках – болгарском, русском и чешском.

Статья **Михаила Виденова** (БАН) и **Кати Исса** (Университет архитектуры, строительства и геодезии, София) посвящена вопросам глобализации в славянском мире – *«Светът на глобализацията и славянският свят»*. В хронологическом плане рассмотрены проявления глобализации в славянских языках, определяются плюсы и минусы глобализации.

В своей статье **Димитрина Лесневская**, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария, на тему «*Прагмалингвистические особенности эпистолярного дискурса в сопоставительном аспекте (на материале русских и болгарских коммерческих писем)*» выделяет модели речевого поведения (МРП) русских и болгарских деловых коммерческих писем, комментируя теорию МРП и коммуникативно-прагматического поля.

Проблемам перевода посвящены следующие три статьи. Русский концепт *тоска* в дискурсе А. Платонова и его концептуально-метафорическое моделирование и параллели при переводе с русского на болгарский язык рассмотрен в статье **Юлианы Чакаровой**, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского. Статья **Дианы Ивановой**, ПУ им. Паисия Хилендарского, «*Новобългарските преводи на старозаветната книга "битие" през XIX век (с оглед на славянската традиция)*» посвящена особенностям перевода книги «Битие» (1857) К. Фотинова. В своей статье «*Езиковото родство като фактор при превеждането на класически поетични произведения върху примера на българските преводи на "Горски венец" (1847) от Петър Петрович Негош*» **Найда Иванова**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, комментирует понятие межславянского перевода и проявления генетического родства между сербским и болгарским языками.

Следующие четыре статьи посвящены сохранившимся славянским памятникам. Статья **Татьяны Илиевой**, Кирилло-Мефодиевский научный центр – БАН, посвящена особенностям древнеболгарской лексики. Статья **Марияны Цибранской-Костовой** (ИБЕ – БАН) «*Византийското наказателно право в Прохирона и неговата славянска рецепция*» посвящена славянскому переводу Прохирона. В своей статье **Христина Тончева**, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, анализирует особенности требников Зографского монастыря XIII - XVIII вв. **Нина Гагова**, Институт литературы, София, анализируют премудрость в житии св. Симеона от св. Саввы.

Жоржета Чолакова, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, в своей статье анализирует баладизированный

пейзаж в поэзии западнославянского романтизма; чешско-словацкой идентичности посвящена статья **Славеи Димитровой**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского.

Последние две статьи сборника посвящены переводной рецепции. В своей статье **Ани Бурова**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, рассматривает модели переводной рецепции – славянские литературы в переводе на болгарский язык и болгарская литература в переводе на славянские языки после 1989 г. Статья **Елены Дарадановой**, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, посвящена рецепции лирики Десанки Максимович в Болгарии.

Настоящий сборник охватывает актуальные вопросы и современные направления болгарской языковедческой и литературоведческой славистики.

ХРОНИКА

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevska Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ СОБРАНИЕ СЛАВИСТОВ СЕРБИИ

Аннотация. В хронике рассматривается проведение 57-е Собрания славистов Сербии «Славянские языки и литературы в современном диалоге культур». Собрание проходило в форме Национального симпозиума с международным участием. Организаторами Собрания являлись Общество славистов Сербии; Филологический факультет Белградского университета и Российский центр науки и культуры «Русский дом» – Белград. В работе Собрания приняли участие около 80 ученых и исследователей из Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Германии, России, Франции и Чехии. Работа Собрания проводилась в рамках пленарного заседания и четырех секций. В ходе плодотворной работы Собрания были рассмотрены актуальные вопросы и проблемы языкознания, стилистики, когнитивной лингвистики, фразеологии, терминологии, литературоведения и перевода, а также теории и практики лингводидактики.

Ключевые слова: собрание, слависты, Сербия, славянские языки, славистика, стилистика, когнитивная лингвистика, фразеология, культурный концепт, терминология, литературоведение, перевод, лингводидактика, эколингводидактика

D.S. Lesnevska

57TH MEETING OF SLAVISTS OF SERBIA

Abstract. The chronicle examines the 57th Meeting of Slavists of Serbia «Slavic languages and literature in the modern dialogue of cultures» organized by Society of Slavists of Serbia, Faculty of Philology in the University of Belgrade and Russian Centre of science and culture «Russian house» in Belgrade. The meeting was held in the form of a national Symposium with international participation. The Meeting brought together about 80 participants from Serbia, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Germany, Russia, France and the Czech Republic. The Meeting included Plenary session and four thematic Sections. In the course of fruitful work of the Meeting the topical issues and problems of linguistics, stylistics, cognitive linguistics, phraseology, terminology, literary

studies and translation, as well as the theory and practice of linguodidactics were considered.

Keywords: Meeting, Slavists, Serbia, Slavic languages, Slavic studies, stylistics, cognitive linguistics, phraseology, cultural concept, terminology, literary studies, translation, linguodidactics, ecolinguodidactics

С 4 по 5 февраля 2019 г. на Филологическом факультете Белградского университета состоялось 57-е Собрание славистов Сербии «Славянские языки и литературы в современном диалоге культур». Собрание проходило в форме национального симпозиума с международным участием. Как и в прежние годы были реализованы следующие программы: 1) Научный симпозиум; 2) Семинар повышения квалификации преподавателей русского языка. Организаторами симпозиума являлись:

- Общество славистов Сербии;
- Филологический факультет Белградского университета;
- Российский центр науки и культуры «Русский дом» – Белград.

В работе LVII Собрания славистов Сербии «Славянские языки и литературы в современном диалоге культур» приняли участие около 80 ученых и исследователей из Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Германии, России, Франции и Чехии.

Национальный симпозиум с международным участием был торжественно открыт председателем Общества славистов Сербии, проф. др. **Вучина Райчевичем**. Было заслушано приветствие декана филологического факультета Белградского университета проф. др. **Оливеры Вучич**. Академик САНУ **Предраг Пипер** сделал обзор академических исследований САНУ и рассказал об истории академических наград. После официальных приветствий состоялось награждение премией имени Павле и Милки Ивич, премией имени Радована Кошутича, а также почетными грамотами Общества славистов Сербии. За вклад в сербскую культуру и сербистику были награждены проф. др. кафедры славистики Филологического факультета Белградского университета **Ксения Кончаревич**, ст. научный сотрудник Института сербского языка САНУ проф. др. **Срето Танасич** и др. На торжественной церемонии открытия была организована трансляция приветственного послания японского слависта **Мотоки Номачи** (Национальный университет Хоккайдо, Саппоро, Япония) участникам

Пленарное заседание было открыто докладом проф. др. **Ксении Кончаревич** (Белград), посвященным русской коммуникационной культуре сербских мемуаристов 18 и 19 вв. Доклад проф. др. **Богдана Косановича** (Нови Сад) был посвящен творчеству Михаила Шолохова. Ст. преп. **Валентина Решетникова** (Москва) выступила с докладом о методических подходах к обучению профессиональному общению иностранных учащихся в российском вузе. Доклад доц. кпн **Натальи Бондаренко** (Москва) о сербских страницах в сборнике А.А. Хованского «Славянский вестник» был зачитан **А.И. Лазаревым**, который является учредителем Фонда А.А. Хованского. Историк, переводчик **Андрей Лазарев** (Воронеж) посвятил свой доклад социолингвистическим аспектам славянского языкознания. Пленарный доклад доц. др. **Димитрины Лесневской** (София) был посвящен эколингводидактике – новому направлению современных лингводидактических исследований.

Заседания проводились в рамках четырех секций.

Болгарская делегация состояла из пяти членов: проф. д-р **Лиляна Цонева** (Велико-Тырново), доц. д-р **Димитрина Лесневска** (София), асп. **Елица Миланова** (Пловдив), **Радослава**

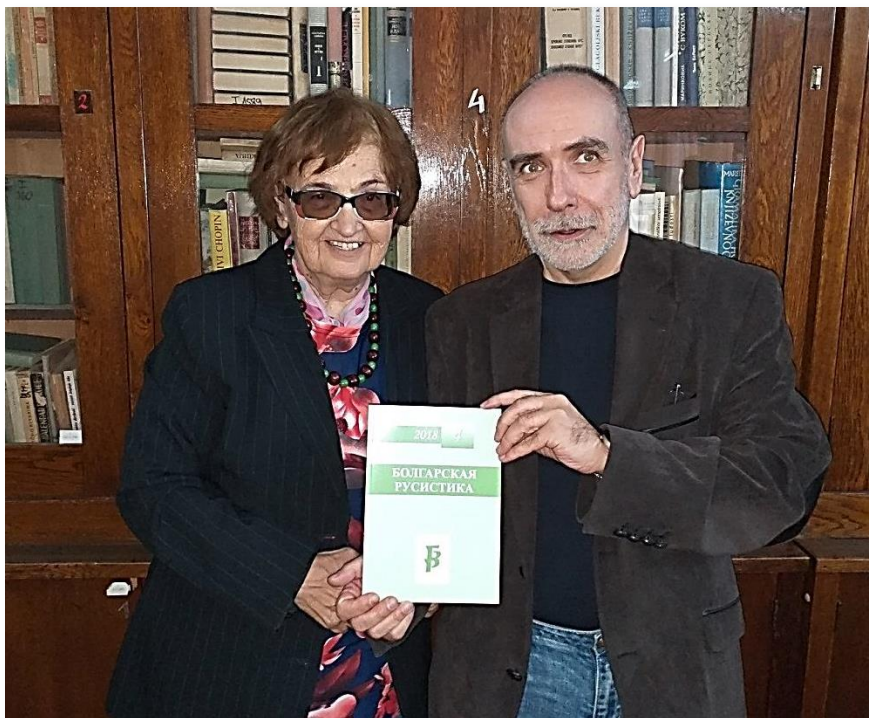
Лесневска (София) – редколлегия научных журналов «Русистика без границ» и «Болгарская русистика» и *Радослав Минков* (Велико-Тырново). Проф. *Л. Цонева* выступила с докладом, посвященным языковой игре в современных русских и болгарских СМИ. *Е. Миланова* выступила с докладом о репрезентации образов Змея Горыныча и китайского дракона в русской и китайской лингвокультурах.

В ходе плодотворной работы прошедшего собрания были рассмотрены актуальные вопросы и проблемы языкознания, стилистики, когнитивной лингвистики, фразеологии, терминологии, литературоведения и перевода, а также теории и практики лингводидактики. Формальному анализу польской синтаксической терминологии был посвящен доклад *П. Обучина* (Белград).

Был зачитан ряд докладов, посвященных сопоставительным исследованиям: сопоставлению культурных концептов в русском и сербском языках (*Н. Козмора* – Нови Сад; *И. Андриаевич* – Белград); сопоставлению паремий в русском и сербском языках (*Е. Стошич* – Нови Сад; компаративному анализу реципрочности и рефлексивности в польском и сербском языках (*З. Перич* – Белград)

и др. Сопоставительному изучению славянских языков и культур на примере фразеологии был посвящен доклад *А. Ушаковой* и *С. Шишкиной* (Тюмень).

В ряде докладов освещались лингводидактические вопросы: проблема оптимизации обучения РКИ рассматривалась в докладе *С. Черновой* (Новосибирск); *Е. Колесина* (Москва) комментировала в своем докладе формирование кросскультурной грамотности средствами народного творчества; *И. Абрамова* (Нижний Новгород) выступила с докладом о конфронтационном языковом анализе в преподавании сербского языка филологам-русистам.

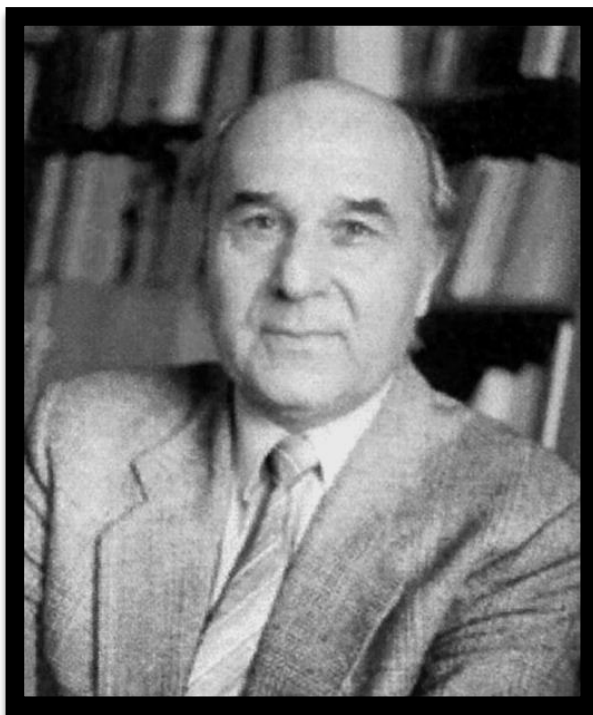
Были выслушан и прокомментирован ряд литературоведческих докладов, напр.: *А. Кудлач* (Пардубице) исследовал в своем докладе чешский литературный постмодерн; о Белградской истории стихотворения Владимира Набокова рассказала в своем докладе *И.*

Антанасиевич (Белград); *Б. Чурич* (Белград) посвятил свой доклад творчеству А.И. Куприну в Белграде 1928 г. *Е. Сартаков* (Москва) рассмотрел в своем докладе рецепцию Н. Гоголя в сербской печати начала XX века.

На закрытии LVII Собрания славистов Сербии проф. др. *Вучина Райчевич* обобщил проведенную работу и итоги дискуссий в рамках пленарного заседания и заседаний четырех секций. Работа Собрания была плодотворной и успешной: в ходе международного научного диалога обозначились новые направления славистических исследований. Участники Собрания поблагодарили организаторов за сердечный прием и возможность принять участие в таком знаковом международном научном форуме, каким является ежегодное Собрание славистов Сербии. Доклады участников LVII Собрания славистов Сербии будут опубликованы в журнале «Славистика» за 2019 год.

IN MEMORIAM

ПРОФ. ДФН ЦВЕТАН ЙОТОВ (1934 – 2019)

22.01.2019 г. закончил свой жизненный путь проф. дфн Цветан Драганов Йотов, выдающийся болгарский русист и ученый, авторитетный преподаватель с многолетним стажем на Факультете славянских филологий Софийского университета им. Св. Климента Охридского.

Цветан Йотов родился 11.06.1934 г. в селе Врабево, Ловечского округа. В 1959 г. он заканчивает с отличием отделение Русской филологии Филологического факультета Софийского университета. За свою дипломную работу, посвященную языку поэзии Маргариты Алигер, он получил отличную оценку и драгоценный сборник со

стихами и автографом поэтессы. В Русском государственном архиве по литературе и искусству хранятся письма Ц. Йотова к М. Алигер из их личной корреспонденции за период 1958-1962 (<http://rgali.ru/obj/11021771#>).

В 1963 г. Цветан Йотов начинает работу в должности ассистента на Кафедре русского языка в Софийском университете им. Св. Климента Охридского. Он специализируется в области психолингвистики, теории коммуникации и русской разговорной речи в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, а также в области диалектологии в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. В 1977 г. он блестяще защищает диссертацию на новую для своего времени тему *«Некоторые структурно-функциональные характеристики диалога»* под научным руководством выдающегося психолингвиста проф. А.А. Леонтьева в Институте русского языка им. А.С. Пушкина в Москве. Цв. Йотов сохраняет теплые уважительные отношения и обмен научными идеями со своим научным руководителем до самых его последних дней. Основные результаты диссертации получают обобщение и развитие в его монографии *«Диалог в общении и обучении»* (1979), а его оригинальный подход к анализу диалога находит положительный отклик среди лингвистов во многих странах. Серьезные занятия Цветана Йотова музыкой подталкивают его перенести идею о параллельном описании разных информационных каналов, одновременно порождающих устный разговорный дискурс, на «партитуру», отражающую структуру речевого акта. Эта музыкальная аналогия оказывается созвучной с новейшими программами компьютерной обработки звучащей речи, многоаспектного социального взаимодействия и живого общения, поэтому он легко вписывается в состав международного проекта в области корпусной лингвистики, направленного на создание стандартизованного мультимодального корпуса болгарского языка, доступного через интернет (см. http://bgspeech.net/bg/events/multimedia2_bg.html).

Среди фундаментальных трудов проф. Цветана Йотова и монография *«Лингвистика одновременного говорения»* (1991). В ней он разрабатывает стройную систему терминов, описывающих

структурно-функциональные особенности текста, порожденного в условиях одновременного говорения (синхралалии), анализирует обширный затранскрибированный материал устной речи носителей русского языка. Синтез разных аналитических подходов делает исследование полезным как в теоретическом, так и в практическом планах. Центральное место в научном творчестве проф. Цветана Йотова занимает его диссертация на соискание степени доктора филологических наук *«Разговорът и неговият глобален лингвистичен модел»* (1994), которая представляет собой оригинальную методологию конструирования глобальной модели устно-разговорного дискурса на основе теории музыкальной импровизации. Написанный им в соавторстве с Блажо Блажевым *«Синтаксис современного русского языка»* (1992) и до сих пор среди базовых учебников для студентов отделения «Русская филология» в Софийском университете.

Цветан Йотов - автор многочисленных высоко ценимых научных статей в области русистики, сопоставительного языкознания, психолингвистики, конверсационного анализа, текстолингвистики. В поле его исследовательских интересов также входят проблемы русской диалектологии, речь русских-староверов на территории Болгарии, семантические, дискурсивные и прагматические вопросы радиопередач, телефонных разговоров и других сфер живой устной речи. Когда молодые русисты писали дипломные работы и диссертации на подобные темы, он критически их подталкивал работать над текстом до этапа, когда «научный текст должен звенеть», как он любил говорить. И не отчаиваться в своей преподавательской работе, потому что «силой можешь отнять, но не и дать», и стремиться к совершенству.

Активная и многосторонняя деятельность проф. Цветана Йотова как преподавателя находит выражение в разработанных им авторских лекционных курсах: *Синтаксис современного русского языка, Психолингвистика, Лингвистика текста, Устная коммуникация и дискурс, Разговор и его дискурс, Коллоквиальные универсалии, Сопоставительный анализ речи, Социальные стереотипы в разговоре* и др., Его профессиональная биография связана не только с Софийским университетом, но также и с

Великотырновским университетом им. Св. Св. Кирилла и Мефодия, с Белорусским государственным университетом и Харьковским государственным университетом, где он работал лектором.

Многие годы проф. Цв. Йотов был одним из ведущих специалистов Кафедры русского языка в Софийском университете им. Св. Климента Охридского, а в 1994-2000 гг. он был ее руководителем. Он занимал также должность заместителя декана Факультета славянских филологий Софийского университета. Достижения и вклад проф. Цветана Йотова в области лингвистики получают признание в его выборе в 1998 г. заместителем председателя специализированного ученого совета по языкознанию при ВАКе Болгарии. Он среди основателей Болгарской ассоциации по психолингвистике, ее президент с 1994 по 1998 г., был членом МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы), Общества русистов в Болгарии, INSOLISO (Международного социолингвистического общества), ISAPL (Международной ассоциации по прикладной психолингвистике), IADA (Международной ассоциации анализа диалога) и др. Награжден почетным дипломом Министерства науки и культуры Беларуси (1984 г.) и почетной грамотой Министерства общего и среднего образования Русской федерации за заслуги в развитии болгарской русистики и в связи с 50-ой годовщиной специальности «Русская филология» в Софийском университете (1996 г.).⁷

В лице проф. д-рн Цветана Йотова болгарская русистика и академическая общность потеряла не только выдающегося ученого с международным авторитетом, но и всеотдайного, высоко эрудированного университетского преподавателя. Он посвятил более полувека болгарской языковедческой науке и вдохновил многих своих студентов и коллег продолжать исследовательскую деятельность на поле русистики и славистики.

Низкий поклон и светлая ему память!

К. Петрова

⁷ См. более подробно о научной деятельности проф. Цв. Йотова в Алексиева Т. Профессору Йотову 75 лет. // Болгарская русистика, 2009, 1-2, 110-112, и Acta Linguistica, Vol.3 (2009), 2, 111-112.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru
(10 пунктов)

И.В. Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2],[7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стилъ. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com